

Д Р У Ж И Т Ь

На перекрестке
времен и цивилизий

Литература Таджикистана и Узбекистана

Л И Т Т Е Р А Т У Р А М И

Дайджест

Министерство культуры Свердловской области
ГУК СО Свердловская областная межнациональная библиотека

Давайте дружить литературами

Выпуск 7

На перекрестке времен и цивилизаций

Литература Таджикистана и Узбекистана

Екатеринбург, 2008

ББК 83.3

Г 69

Редакционная коллегия:

Кокорина С. В.

Косович С. А.

Кошкина Е. Н.

На перекрестке времен и цивилизаций: литература Таджикистана и Узбекистана : дайджест / сост. Воронина О. С.; Свердлов. обл. межнац. б-ка.—Екатеринбург: СОМБ, 2008.—90 с.—(Давайте дружить литературами; вып. 7)

Ответственный за выпуск: Новопашина Т. Х.

Вступление

*Ах, что такое человечность?
Путь к свету, на восток, держать.
В узде времен коня мгновенья
– как ни был бы высок
– держать.*

Тошходжа Асири

Чем более развита литература того или иного народа, тем полнее использует она свое национальное художественное достояние (творчество классиков, фольклор, обряды, многожанровое профессиональное искусство), перерабатывает его внутренне, и это в значительной мере определяет ее самобытность, а следовательно, интернациональное звучание.

Без литературы, как заметил Сергей Залыгин, народ не может заявить о себе: «Я – существую! Я существую со своим языком, со своей историей, со своим будущим. И я богат! И мое богатство нужно миру!»

Литературное творчество талантливейших сыновей своей земли чрезвычайно многогранно, как и жизнь целого народа, которую они отображают. Писатели будто приглашают следовать их примеру: не идеализировать того, что не идеализировали они, и не отбрасывать как недостойное то, в чем они видели проявление полнокровной жизни. Жизнь богата и пестра, потому и многонациональная поэзия необыкновенно обширна и многолика.

«Иногда при чтении Плавта и при чтении истории Средней Азии... трепетно бьется сердце от чувства единства умственной жизни человечества. Хочется штрихами воссоздать эту цивилизацию – только нет сил» - писал В.И.Вернадский.

Культура Средней Азии пережила в прошлом по крайней мере два культурно-цивилизационных слома: один пришелся на время распространения религии ислама; другой – на время революции и строительства советской культуры. Третий слом, по всей вероятности, еще не завершился и происходит на наших глазах.

Восприятие красоты через нравственное этическое начало, которое шло от собственного исконного опыта, соответствовало представлениям о красоте, закрепленным в каноническом исламе. Одно из изречений – слова пророка Мухаммада о том, что «самое прекрасное – это красота нрава». В вершинных достижениях городской исламской культуры красота имела свое онтологическое завершение – она принадлежала Алла-

ху. Самым прекрасным был только потусторонний мир, а самым красивым и великолепным – Аллах. В поэтическом и художественном восприятии людей различных веков (в частности, в творчестве многих

тюркоязычных и персидско-таджикских поэтов, музыкантов) Аллах считался «предвечным художником» (наккоши аза), оставившим свои письма на всех «досках бытия». Центром среднеазиатского просвещенного мира, хранителем среднеазиатских исламских культурных ценностей по праву считалась Бухара. Из века в век сюда устремлялись взоры и вели дороги многих жаждущих знания будущих просвещенных людей Средней Азии. Художник-творец не был свободен в выборе художественных средств и форм, каждое нарушение и изменение расценивалось как недозволенное новшество. Многовековой культурный код, глубоко укоренившийся в сознании жителя Средней Азии, не требовал от творца (поэта, музыканта) подробного изложения

того или иного сюжета. Читателю-слушателю достаточно было, что называется, намек – услышать лишь имя, мотив, увидеть деталь, узор, цвет, - чтобы моментально воссоздать в воображении и памяти всю сюжетную канву или всю гамму психоэмоционального состояния.

*Хвала тебе, хвала стихам твоим.
В их простоте мы ясный разум чтим:
Мысль отражают все твои слова,
как в реках мир зеркально отразим.*

Рассказчик, поэт, певец, акын, рапсод набирает полные легкие воздуха, и дорога, по которой идут его герои, становится долгой-предолгой, уходящей за горизонт, бесконечной. Если он поет о горах, то это бесконечные гряды, если о песках, то их столько, насколько хватает глаз, если о воде, то она и быстрая, и родниковая, и мятная, а небо высокое-высокое, далекое, голубое, неохватное...

В этом дайджесте мы хотим вас познакомить с наиболее известными писателями Таджикистана и Узбекистана, чьи бессмертные произведения поистине вошли в сокровищницу мировой литературы. На нашем перекрестке времен и цивилизаций встретятся, как сказал Тимур Зульфикаров, «и мудрецы, и цари, и поэты...»

«Адам поэтов» Рудаки

*Я сердце превратил свое в сокровищницу песен,
Моя печать, мое тавро – мои стихи простые.*

*Я сердце превратил свое в ристалище веселья,
Не знал я, что такое грусть, томления пустые.*

*Я в мягкий шелк преображал горячими стихами
Окаменевшие сердца, холодные и злые.*

Рудаки

Абу Абдаллах (но некоторым источникам – Абуль Хасан) **Рудаки** (около 860 – 941), признанный основоположник великой литературы на языке фарси (персидский язык), родился в горном селении Рудаки под Педжикентом, столицей Согдианы. Здесь учился он у народа песням и музыке, любовался своеобразной прелестью родной природы, постигал мудрость и душевную красоту приветливых тружеников-горцев.

Имя Рудаки, которым поэт пользовался в своих стихах, является нисбой, то есть прозвищем по месту рождения. Так своеобразно выразил Рудаки любовь к родному краю, к своему селению. Знаменитый придворный поэт, чье имя гремело во всех концах огромного государства Саманидов, он не избрал в качестве своего поэтического псевдонима какой-либо выпященный эпитет, не выбрал большой город, в котором рос, как это делали многие поэты средневековья, а назвался по родному селу – Рудаки.

О родителях Рудаки сведений не сохранилось, впрочем, как и о семье поэта вообще.

Мальчик писал стихи, сам же сочинял музыку и был исполнителем собственных произведений. Творчество давалось ему легко, и земляки по достоинству оценили таланты Рудаки. По легенде, прославленный Абульабак Бахтияр передал Рудаки свой чанг – музыкальный инструмент и свое занятие – бродить по селениям и улаживать слух людей музыкой. Прежде чем прославиться при дворе Саманидов, поэт уже был известен в своей округе как народный певец и непревзойденный музыкант. Но Рудаки как большой поэт не мог не понимать, что устная песня, творцом и исполнителем которой он первоначально выступал, жила лишь в небольшой округе. Чтобы голос поэта зазвучал во всю мощь и дошел до потомков, он должен был быть закреплен письмом. Но письменная поэзия в условиях того времени могла развиваться только при

дворе.

Жажда знаний привела молодого Абдулло в Самарканд, где он учился в медресе и прославился своими талантами.

Эмир Наср I Ибн Ахмад Саманид (864-892), будучи властелином Хорасана, вызвал Рудаки в Бухару, приблизил поэта к себе и сделал его членом придворного дивана. Рудаки пошел в гору, и вскоре его провозгласили «царем поэтов». Богатства поэта увеличились до крайней степени: у него было двести рабов; четыреста верблюдов шли, нагруженные его поклажей. После Рудаки никто из поэтов Востока не имел такого богатства, и такого счастья не выпадало ни на чью долю.

В великом богатстве и почете жил Рудаки и при преемниках Насра I – эмирах Исмаиле I ибн Ахмаде Самани (892-907) и Ахмаде ибн Исмаиле Самани (907-914).

Ситуация изменилась в годы правления эмира Насра II ибн Ахмада Самани (914-942). Рудаки не только попал в опалу, причина которой точно неизвестна, его ослепили, лишили всего имущества и сослали в родную деревню, где поэт и скончался глубоким стариком в ужасной нужде.

В 1940 году в кишлаке Рудак-и-Панджруд известным таджикским писателем и ученым С. Айни была обнаружена могила великого поэта. В советское время здесь был возведен мавзолей классика персидской литературы.

Согласно сведениям ранних биографов Рудаки оставил огромное поэтическое наследие – около миллиона трехсот тысяч поэтических строк. До наших времен дошла лишь малая часть его творчества: отдельные фрагменты, обрывки и разрозненные двустипиши Рудаки, – но и они убедительно говорят о его поэтическом гении. Из-за разрозненности и краткости фрагментов мы не видим не стройности, ни занимательности сюжета – всего того, что может проявиться лишь в законченном произведении. Мы узнаем Рудаки по глубокой человечности, по неповторимой эмоциональной выразительности, по чудесному гранинию слов и неожиданному повороту образа и настроения.

Сохранились и отрывки семи дидактических поэм-маснави, но известны названия двух из них: **«Солнцеворот»** – поэтическое изложение «Синдбад-наме», нравоучительного произведения о женской хитрости; **«Калила и Димна»** – поэтическое переложение одноименного пехлевийского произведения, сохранившегося на арабском языке.

Принято считать, что подобно многим, рукописи стихов Рудаки, составленные и переписанные в X-XII веках и хранившиеся в дворцовых библиотеках Хорасан и Мавераннахра, погибли во время монгольского нашествия.

Считается, что именно Рудаки разработал все формы классической фарсиязычной поэзии, сумел сплести в едином орнаменте народные традиции с арабским и персидским литературным наследием. Он писал и великолепные оды-касыды, и легкие газели, и чеканные четверостишия – рубай.

*Пришла... «Кто?» – «Милая». – «Когда?» – «Предутренней зарей».
Спасалась от врага... «Кто враг?» – «Ее отец родной».
И дважды я поцеловал... «Кого?» – «Уста ее».
«Уста?» – «Нет». – «Что же?» – «Рубин». – «Какой?» – «Багрово-огневой».*

* * *

*Владыки мира все скончались, и ныне горсть земли они.
Пред смертью головы склонили и в вечность отошли они.
Скопили тысячи сокровищ и наслаждались высшей славой.
И что же! К дню своей кончины лишь саван донесли они.*

В стихах Рудаки встречаются воспоминания о его пышной жизни при дворе и горькие сетования на то, что в старости для него наступило время «посоха и сумы».

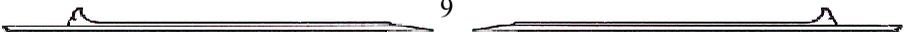
*Да, был я велик и счастлив, имел все блага земли, -
Недаром Саманиды меня высоко вознесли.*

*Но годы весны сменились годами суровой зимы.
Дай посох! Настало время для посох и сумы.*

Рудаки нарушал в панегириках сложившиеся нормы рифмованной лести: восхваляя царей и знать, поэт пытался разбудить в них человечность. Он не приспособлялся к правилам панегирической поэзии, а подчинил ее своим законам. Наряду с восхвалениями венценосцев-покровителей, в его творениях слышны и жалобы, звучит разочарование, постигшее поэта в его попытках «смягчить сердце, что тверже наковальни». В творчестве Рудаки нашел выражение протест против социального неравенства.

Восхваление Насра Ибн Аздада

*Ты столь же щедр, как некогда Хатам,
В бою с врагами ты – второй Рустам.
Нет, ты Хатама в сотни раз добрей,
Рустама и сильнее и храбрей.*

*Тому царю никто не равен, скажем прямо,
Из тех, кто есть и кто родился от Адама!*

*Он — тень всевышнего, он господом избран,
Ему покорным быть нам повелел Коран.*

*Мы — воздух и вода, огонь и прах дрожащий,
Он — отпрыск солнечный, к Сасану восходящий.*

*...О Рудаки! Восславь живущих вновь и вновь,
Вославь его: тебе дарует он любовь.*

*...Прославлю я того, кем славен род людской,
Отрада от него, величье и покой.*

*Немало вельмож я видел и не в одном распознал
Притворную добродетель и затаенный порок,*

*Одно таил я желанье: явиться примером для них.
И вот... разочарованье послал мне в награду бог.*

Наряду с хвалебной темой в стихах поэта звучит светлая вера в силу человеческого разума, мудрость житейского опыта, призыв к знанию, добродетели, активному воздействию на жизнь. О ком бы ни писал Рудаки: о высоких покровителях, о самом себе, о своих героях, — он всегда открывает новую грань обыкновенной человеческой личности. Поэт часто использует образы, взятые из повседневной жизни. Ему присуща эстетика простого и обычного. Лаконизм, простота поэтических средств, доступность образа в поэзии Рудаки — характерные черты стиля его литературных произведений. Свой труд поэта Рудаки сравнивает с мастерством умельца-ткача, а стихи с гранитом.

*Ведь я из тех поэтов, что приносят новые вести
и слова говорят,*

Я делаю шелковистый бейт из гранита.

В богатом по содержанию творчестве этого «многоголосового соловья», как он сам себя называл, писавшего в различных жанрах, особенно примечательны философская глубина мысли и непосредственность восприятия природы. Рудаки не был философом, объясняющим мир, он был поэтом, чувствующим мир и мечтавшим о его совершенствовании. Поэзия Рудаки дорога и элементами народных, передовых пред-

ставлений того времени: философское вольнодумство, культ разума, сочувствие труженикам, гуманность.

*На мир взгляни разумным оком,
Не так, как прежде ты глядел.*

*Мир — это море. Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел.*

* * *

*О Рудаки, легко живи, печали позабудь.
Пусть веселье и покой твою наполнят грудь.
Мир благоденствует, а ты обязан прозябать,
Пусть мир к тебе несправедлив, сам — справедливым будь.*

Фирдоуси

*О чем скажу? Все сказаны сказанья,
Все собраны плоды в саду познания.*

*Но коль себе я места не найду
На плодоносном древе в том саду*

*(Блажен высокой пальмою укрытый:
Сень пальмы станет для него защитой),*

*То, может, кипарис мне даст приют,
Чьи ветви мощно, высоко растут?*

*Быть может, если я царей прославлю,
Не книгу я, а памятник оставлю?*

Фирдоуси

Поэт, взявший себе псевдоним «Фирдоуси», что означает «райский», жил и творил в Восточном Иране, который

входил в те далекие времена в состав государства Саманидов, объединившего земли, на которых жили предки современных таджиков и персов. В X веке в столице Бухаре и других городах державы Саманидов бурно развивалась литература на языке дари, иначе именуемом — фарси. Она послужила основой для дальнейшего развития классической персидско-таджикской поэзии: в X веке был выработан и отшлифован литературный язык фарси, сформировались основные жанры персидско-

таджикской поэзии, сложилась система образов, с развитой поэтической лексикой и богатством речевых средств, были канонизированы все стихотворные метры и их модификации.

В период господства Саманидов возродился интерес к иранской старине, в частности на фарси составлялись сборники легенд и преданий о мифических и исторических богатырях и царях, живших до арабского нашествия. Эти получившие особое распространение в X веке своды древних иранских мифов и героических сказаний носили название «Шах-наме» («Книга о царях»). В течение X века на языке дари было составлено три (по свидетельству некоторых источников – четыре) прозаических свода «Шах-наме», которые носили полуисторический-полухудожественный характер: «Шах-наме» Абу-ль-Муайяда Балхи; «Шах-наме» Абу Али Мухаммада ибн Ахмада Балхи; «Шах-наме» Масуди Марвази; «Мансурова Шах-наме». Новую жизнь получили древнеиранские мифы, легенды и предания в поэтически совершенной эпопее Фирдоуси – «Шах-наме».

Настоящее имя величайшего персидского поэта, творца грандиозного эпоса «Шах-наме» нам не известно. Жизнь **Абулькасима Фирдоуси (934-1024)**, как и жизнь многих иранских классиков, состоит из легенд. Эти легенды при всей своей фантастичности воссоздают в определенной мере творческий облик поэта. Фирдоуси родился предположительно в 934 году в Иране в предместье города Тус, называемого также Баж, в семье малоимущего феодала (дежканина). Есть версия, что в молодости Фирдоуси вел безбедную жизнь. Родители дали сыну хорошее для своего времени образование: в частности, он знал арабский и пехлевийский (староиранский) языки. Познания его были обширны, поэтому он получил прозвище «хаким», то есть мудрец, ученый. Однако в результате долгой, тридцатипятилетней работы над «Шах-наме» богатство поэта истощилось, и в старости ему пришлось влачить полунищенское существование.

Более распространена другая версия, согласно которой Фирдоуси прожил долгую тяжелую жизнь в страшной бедности, почти в нищете. Поскольку грандиозная эпическая поэма «Шах-наме» появилась лишь в конце его жизни, о великом поэте почти никто не знал, у него не было покровителей, а следовательно, и какой-либо помощи.

Предполагают, что, задумав создать грандиозную книгу о правителях Ирана, Фирдоуси до сорока лет собирал материалы для нее. Главными источниками поэту послужили богатый фольклор народных сказаний, а также прозаическая версия хроник древних сасанидских царей, переведенная на новоперсидский язык и обработанная четырьмя учеными зороастрийцами при дворе правителя Туса – сахиба Абу Мансура.

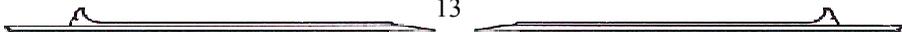
Воспитанный на древних сказаниях иранских народов, знаток и страстный поклонник родной культуры, Фирдоуси не мог не заметить, что государство Саманидов клонится к упадку, не мог не переживать это глубоко и мучительно. Он искал причины надвигающегося краха, и ему казалось, что он отыскал и разгадал их. Подкрепление своих мыслей поэт находил в многочисленных старинных письменных и устных преданиях о сказочных и действительно живших иранских царях. Мораль всех этих преданий одна: если властелин был справедливым – все было хорошо, если нет – страну постигали бедствия. Особенно убедительными казались поэту народные предания о сказочном иранском богатыре Рустаме, который в течение нескольких веков, как неприступная крепость, стоял на страже страны, объединяя вокруг себя всех богатырей, готовых на смерть ради спасения родной земли от постоянных набегов туранцев (во времена Фирдоуси под ними понимались предки тюркских кочевников, угрожавших Самандскому государству).

Саму поэму Фирдоуси писал, по разным подсчетам, от двадцати до тридцати пяти лет. Уже в старости завершил он книгу книг «Шах-наме», самое большое поэтическое произведение в мире, созданное одним человеком. По объему эту поэму превосходит только индийский эпос «Махабхарата», которая была создана многими авторами и в течение нескольких столетий.

«Шах-наме» – это обширная, многогранная стихотворная эпопея. В течение тысячелетия она многократно переписывалась, в результате чего образовалось много новых наслоений. Количество бейтов в различных вариантах «Шах-наме» колеблется от сорока до ста двадцати тысяч.

Формально композиция «Шах-наме» Фирдоуси соответствует периодам царствования пятидесяти легендарных и исторических шахов Ирана, фактически же книга состоит из трех неравных частей: 1) мифологической, повествующей о первых десяти царях; 2) богатырской, посвященной преимущественно подвигам Рустама; 3) исторической, состоящей из различных эпизодов, относящихся к периоду царствования реальных исторических царей Сасанидов. Однако «Шах-наме» не версифицированная династийная история. Это эпический синтез, единственный в своем роде, удивительный по сочетанию универсальности и внутренней целостности, это собрание огромного числа мифологических преданий и исторических легенд, любовных поэм и стихотворных летописей, лирических раздумий и назиданий.

Над первой редакцией поэт, судя по сведениям первоисточников и текстов самого «Шах-наме», трудился около двадцати лет. В то время правители особо одаривали поэтов за посвященные им произведения.

Однако Фирдоуси вознаграждения не получил. Но материальные невзгоды не остановили гения. Он не прекратил работы, приступив ко второй редакции, по объему почти вдвое превосходившей первоначальную, которая была закончена в 1010 году. К этому времени Саманидов в качестве правителя Хорасана и части Средней Азии сменил могущественный властитель Газны султан Махмуд, прославившийся своей жестокостью при завоевании Северной Индии. Он отверг творение Фирдоуси. Поэт бежал из родных мест и много лет провел в скитаниях. Лишь в старости он решил вернуться на родину. Однажды главный министр в присутствии Махмуда произнес двустигшие из великой поэмы. Султан, сменив гнев на милость, решил вознаградить поэта. Но когда караван с дарами входил в ворота города, из противоположных ворот этого же города вынесли носилки с телом покойного Фирдоуси.

Великий поэт, воспевший борьбу за отчизну, резко осуждал жестокость и кровопролитие, прославлял справедливых правителей и простых людей, призывал ценить «тех, кто зарабатывает трудом хлеб насущный». В то время, как султан творил беззаконие, Фирдоуси с особой силой провозглашал гимн законности и правопорядку, призывал ценить жизнь как величайшее благо. Идейная основа, весь строй мыслей и философия «Шах-наме» решительно противостояли политике Махмуда и ему подобных, политике кровопролития, произвола и бесправия.

Главная мысль «Шах-наме» — это прославление родной страны, возторженный гимн Ирану, призыв к единению разрозненных сил, к централизации во имя отражения иноземных нашествий, на благо страны.

Фирдоуси поднял на щит необыкновенную, сильную, героическую личность. В ней видит он свой этический и эстетический идеал, но этим же определяется и его изобразительная манера, его универсализм в изображении человека. Богатыри и витязи в «Шах-наме» беззаветно преданы родной стране и шаху, олицетворяющему для них отчизну. Будучи незаслуженно обижены правителем, богатыри прощают оскорбления во имя интересов отчизны.

Стиль произведения отличается чрезвычайным лаконизмом и предельной экспрессией. Для творческой манеры поэта свойствен прием гиперболизации, распространяемый на описание и внешности, и душевных переживаний, и подвигов героев.

Фирдоуси рисовал жизненные явления на двух уровнях — внешнем и внутреннем. Внешне в «Шах-наме» дано чисто эпическое изображение героев. Здесь поэт следует традициям народного эпоса, использует сложившиеся в народном представлении образы героев, известный круг событий, которые и определяют действие. Вместе с тем в «Шах-наме» заметна склонность к драматическому изображению: в великодушных,

своеобразных диалогах раскрывается душевное состояние героев.

Рустам – вполне традиционный эпический герой с раз и навсегда данными чертами характера. Однако и в его переживаниях, в его поступках немало драматизма. Именно Рустам – главный персонаж «Шах-наме», а не властители, в войске которых он находится. В его образе автор воплотил свои представления об идеальном герое. Рустам наделен богатырской силой, он способен свергнуть любого шаха, он сильнее властелина. Рустам в «Шах-наме» не безмолвный раб, а самостоятельная личность, наделенная огромным чувством собственного достоинства, сознающая свою силу и мощь.

*II богатырь ответил: «Я Рустам,
А породил меня – Дастан-Сам.
Без войск, один я всюду разъезжаю,
Нигде перед врагом не отступаю».*

* * *

*Захотал Рустам, махнув рукой
II потрясая гривую седой,*

*Спросил: «Ты где привык к мужскому бою,
С моею не встречавшись булавою,*

*Когда я закручу ее смерчам,
С моим арканом, луком и мечом?*

*Но если завтра так судьба устроит,
Лицо любви от нас она закроет,*

*II будет кровь на пир принесена
II злорада – вместо красного вина,*

*Мы руд заменим барабаном ярым,
Мы грудь и плечи обречем ударам.*

*II ты познаешь, что такое бой,
II мощь мужская, и удар мужской!..»*

Живописание на двух уровнях, характерное для эстетики Фирдоуси, последовательно применяется им и в отдельных эпизодах, и обычно даже в отдельных строфах, содержащих художественную деталь или сентенцию: внешнее дается подробно, внутренне – лаконично, с тем чтобы читатель смог сам мысленно воспроизвести помыслы и переживания героев. Это именно такое раскрытие и оболочки, и сути явления,

и ситуации, которое предоставляет возможность «соавторства» мыслящему читателю.

«Шах-наме» пронизывает идея борьбы Добра и Зла, которая часто вступает в виде оппозиции справедливость – несправедливость. Вся эпопея пронизана сочувствием к людям труда. Фирдоуси призывает правителей заботиться о них, защищать от произвола чиновников. Однако, если венценосец становится на стезю несправедливости, поэт признает за подданными право на насильственное свержение тирана.

Таков Фирдоуси – великий человеколюбец, сумевший, оставаясь сыном своей суровой эпохи, создать строки, полные благородного негодования, искреннего сострадания, неподдельной доброты и понимания человеческих нужд, забот, надежд и стремлений.

Слава о создателе великой поэмы быстро разлетелась по всему ираноязычному миру и с тех пор только преумножается. По случаю тысячелетия со дня рождения поэта в 1934 году город Тус был переименован в Фирдоус (Фердоус).

Энциклопедист Ибн Сина

*Велик от земли до Сатурна предел,
Невежество в нем я осилить хотел,
Я тайн разгадал в этом мире немало,
А смерти загадку, уввы, – не сумел.*

Ибн Сина

Ибн Сина (латинизированное – Авиценна) **Абу Али Хусейн ибн Абдаллах (около 980-1037)**, ученый-энциклопедист, поэт, родился вблизи Бухары. Именно в Бухаре он начал свою деятельность и завершил ее в Западном Иране. Наукой признан огромный вклад, внесенный им в развитии философии, логики, социологии, литературоведения, поэзии, лингвистики, естествознания и медицины.

У Ибн Сины было гораздо больше врагов, чем доброжелателей и покровителей. Спасаясь от гнева султана Махмуда, Ибн Сина был вынужден бесконечно скитаться, переходя из одного города в другой и из страны в страну. Но везде его ожидали новые превратности судьбы. Не раз по прихоти переменчивых властителей его бросали в темницу и грозили мечом палача. Он скрывался, бродил по пустыне, сидел в заточении, участвовал в походах, занимался государственными делами, снова скрывался, но всегда работал, писал.

Ибн Сина писал на арабском и таджикском языках, оставил огромное научное наследие – около 300 сочинений. Наиболее известны его труды по медицине, среди них **«Канон врачебной науки»**, который в течение почти пяти веков считался одним из основных медицинских руководств. Из философских трактатов популярностью пользовались **«Книга исцеления»**, **«Книга указаний и наставлений»**, **«Книга знания»** (**«Дониш-наме»**, написанная на таджикском языке). В своеобразных философских повестях **«Живой, сын Бодрствующего»**, **«Послание о птице»**, **«Саламан и Абса»** автор излагал свои идеи и взгляды в форме развернутой аллегории. Выступал Ибн Сина и как теоретик литературы.

Поэзия Абу Али ибн Сины отличается глубоким философским содержанием, необыкновенной ясностью образной системы, а также простотой используемых художественно-образительных средств и афористичностью мысли. Основные темы поэтического творчества – вечность материи, пантеистическое единство бога и природы, проповедь просвещения и науки, борьба с обскуратизмом.

* * *

*Заклинаю тебя, небо, бога ради, дай ответ:
Ты вращаешься, но есть ли в этом смысл какой иль нет?*

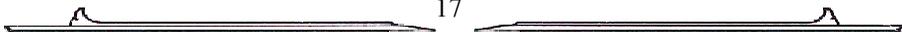
* * *

*Каждый образ и каждый исчезнувший след
В усыпальницу времени лягут на тысячи лет.
И на круги своя наши годы когда возвратятся,
Сохраненное бережно явит всевышний на свет.*

* * *

*Спеши, мой брат, из мира суеты,
Здесь истину постичь не сможешь ты:
Земля – жилище временное наше,
Где чаянья исполнены тщеты.
Вражда стучит мечами о щиты,
А споры все ничтожны и пусты.
Мы истину познаем лишь на небе,
И сжечь пора нам за собой мосты.
И не дано надежной нам опоры:
Мы – на песке стоящие шесты.*

* * *

*Я – плач, что в смехе всех времен порой сокрыт, как роза.
Одним дыханьем воскрешен или убит, как роза.
И в середине брошен я на всех пирах, как роза.
И вновь не кровь моя ль горит на всех устах, как роза!*

Ибн Сина давно стал героем таджикского, персидского, турецкого, узбекского и туркменского фольклора. Многие предания об Ибн Сине вошли в книгу Васифи «Удивительные события».

Правдоискатель Насир Хосров

*Мир – дворец благого созидания.
Жить в безделье – хуже нет обычая.*

*Если в меру сил своих работаешь,
Счастья достигнешь и величия.*

Хосров

Насир Хосров Абу Муин аль-Кубадияни аль-Марвази (1004 — после 1072) родился в Кабардиане (современная территория Таджикистана). Город этот был одним из культурных центров своего времени, хранившим древние традиции. Семья Насира принадлежала к местной староиранской земельной аристократии. Его отец был состоятельным правительственным чиновником. Будущий поэт еще в юности переехал в Балх для службы (подобно своему отцу) при дворе Газневидов, а позже, около 1040 гожа, – в Мерв, где был финансовым чиновником при дворе сульджукского правителя Хорасана. В эти годы он немало путешествовал, побывал и в Индии.

Вскоре Насир Хосров стал бескомпромиссным правдоискателем. Он отбросил стилистику придворных поэтов-панегиристов и создал собственный поэтический язык, исполненный глубокого философского содержания, порой излишне дидактичный, даже страдающий многословием, но ясный по мысли, связанный прежде всего с народно-эстетическими идеалами.

Отыскать истину, найти свой путь бескорыстного служения ей в этом всклокоченном мире, на этой брэнной земле, в этом океане отрицающих друг друга идей и верований, которые были ему, как образованнейшему человеку, хорошо известны, нелегкая задача. Но Насир Хосров был молод, прямодушен, и он смело ринулся в путь. «Ищущий находит», – говорил он себе. Тогда ему показалось, что он нашел истину в карматском учении. В 1045 году, уже, вероятно, связавшись тайно с кар-

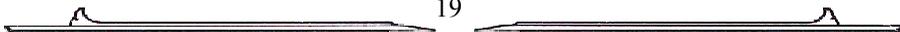

матскими общинами, расположенными по пути в Каир, Насир Хосров спешно подал в отставку, бросил все и в сопровождении младшего брата и верного слуги отправился в паломничество в Мекку. В 1046-1052 гг. он совершил путешествие в Египет, блестяще описанное в **«Книге путешествия»**. Странствуя по городам и селам тогдашнего Востока, Насир Хосров пришел к выводу, что справедливость существует только в карматских общинах, в которых, как ему казалось, люди могут думать и говорить правду.

Вернувшись на родину, поэт стал разоблачать зло, внушать и распространять веру в идеи карматства. Тайный характер карматской деятельности требовал не широкой проповеди на площади, в мечети, а тайной борьбы за каждую душу новообращенных. Насир Хосров непрерывно менял места своей деятельности, проходя из конца в конец Хорасан, Мазендеран, пробираясь по лесным чащобам, болотам, горным кручам, скрываясь от преследований сельджукских властей и неся слова обретенной им правды. В конце концов он был вынужден укрыться от преследований в неприступных горных селениях Бадахшана на Памире. В глухом горном селении провел поэт последние годы жизни. Здесь написал он свои основные труды по обоснованию религиозной системы карматства (исмаилизма) и свои философские касыды – жанр иранской поэзии, в развитии которого именно Насиру Хосрову принадлежит ведущая роль.

Творчество поэта связано с бурным народным антифеодалным движением X века, проявившемся в карматстве (иначе – раннем исмаилизме). Насир Хосров является автором многочисленных философских трактатов, прозаических и поэтических произведений, в которых выступал страстным защитником интересов крестьян и ремесленников, не принимая и резко критикуя антинародную политику сельджукских правителей Средней Азии и религиозные постулаты официального ислама (**«Спор с богом»**). Из философских трудов Насира Хосрова наибольший интерес представляют два – **«Зад аль-мусафирин»** (**«Путевой запас странников»**) и **«Джами аль-хикматайн»** (**«Гармония двух мудростей»**).

Ярко и образно гуманизм Насира Хосрова проявился в поэзии (диван, состоящий из 12 тысяч бейтов, поэма **«Ровшанаи-наме»** и другие). Поэт выступает против античеловеческой сущности деспотического государства Сельджукидов, против физической и нравственной тирании, против царей и мусульманского духовенства, жестоких вельмож, судей и тюремщиков. В противовес царству зла Насир Хосров высоко поднимает образ человека, живущего трудами рук своих и стремящегося к моральному совершенствованию. Он перед ним разворачивает целую систему глубоко гуманистической этики – добра, дружбы, верности

СЛОВУ, ВЗАИМОПОМОЩИ.

Хвала ремесленникам

*Ремесленникам быть — нет в мире лучшей доли.
Не царь, но и не раб. Всегда на вольной воле.*

*Стучит он или шьет на трудовой скамье,
Но вечером поет, в родной своей семье.*

*Пуускай не каждый день по горло сытым ходит,
Но умножает он все то, что производит.*

*Под молотом его золотые искры мчатся...
И видят лишь добро жена и домочадцы.*

*Он в полночь сладко спит в куренье мирных слов,
А на заре опять среди своих обнов.*

*Такает или шьет, варит или фохочет,
Он низменных страстей не знал и знать не хочет...*

*До смерти дни свои он знает наперед,
Доволен им господь. Доволен им народ.*

*Трудолюбив. Шутлив. Общительного нрава.
Осанна ремеслу! Ремесленнику слава!*

*Нет! Равного ему не сыщите нигде:
Ведь и самим царям нужда в его труде.*

Хвала земледельцам

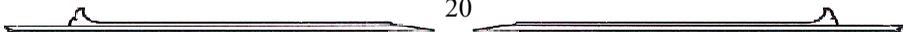
*Но труд ремесленника миру не годится,
Когда у пахаря зерно не уродится.*

*Как славен труд его, Адама древний труд!
Что с земледелием сравниться может тут?*

*Он демонов зимы богатствами встречает,
Зверей и диких птиц в хозяйстве приручает.*

*Крестьянин, что ни год, то открывает клад:
Здесь пашня у него, а там цветущий сад.*

Кормилец добрый он создания любого,

Будь это человек, овца или корова.

*И если только он на ремесло в обмен
Торгашески на хлеб не подымает цен,*

*То во вселенной нет и не было от века
Подобного ему святого человека.*

*Да будет всяк из нас велик своим трудом!
Здесь ключ от бытия. Здесь наш очаг и дом.*

Насир Хосров также резко осуждал придворную поэзию, панегирики правителям, гневно бичевал феодалов, требовал сострадания к беднякам. Причины зол и бедствий он видел в распространении «дурной веры» и «несправедливом правлении». Его идеал – «истинная вера» (исмаилизм) и «справедливый правитель» – потомок пророка Мухаммеда.

В своих философских трудах и во многих одических произведениях Насир Хосров оставался в плену мистических воззрений и средневековых предрассудков. Но сквозь религиозные тенета прорывается его страстный дух мужественного богборца-рационалиста, неутомимого искателя правды и справедливости, мечтавшего об облегчении тяжелой доли труженика. Многие дидактически стихи Насира Хосрова, прославляющие дружбу и взаимопомощь, честность, доброту, обладают высокими поэтическими достоинствами и представляют собой настоящие поэтические шедевры.

«Ты жив – так радуйся, Хайям!»

*Твой стих, Хайям, отделан и отточен,
Он – в сердце дверь, открыта она.
Твой краток стих, всего четыре строчки,
Но ведь и жизнь не более длинна.*

Лоик Шерали

Великий таджико-персидский поэт и ученый **Омар Хайям (1048-1131)** (полное имя Гийас ад-Дин Аду-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури) родился 18 мая 1048 г. в г. Нишапуре, на востоке Ирана, в семье зажиточного ремесленника. Нишапур был торговым и культурным центром Хорасана и до монгольского нашествия славился своими мед-

ресе и знаменитой библиотекой. Существует легенда, что отец будущего поэта имел достаточные средства и не жалел их, чтобы дать сыну образование, соответствующее его блестящим способностям.

О молодых годах Хайяма почти нет сведений. По мнению большинства ученых, он начал свое образование именно в Нишапурском медресе, имевшем в то время славу аристократического учебного заведения, готовящего крупных чиновников для государственной службы. Затем Омар Хайям обучался в Балхе и Самарканде. Он овладел широким кругом точных и естественных наук: математикой, геометрией, физикой, астрономией. Специально изучал философию, теософию, корановедение, историю, правоведение и весь комплекс филологических дисциплин, входящих в понятие средневековой образованности. Омар Хайям был начитан в родной поэзии, знал в совершенстве арабский язык и арабскую литературу, владел основами стихосложения; был искусен в астрологии и врачевании, профессионально изучал теорию музыки.

Разностороннее образование способствовало развитию уникальных способностей. К окончанию обучения Омар Хайям стал заниматься научной работой. Главным направлением его научных занятий стала математика. В 25 лет Омар Хайям сделал свои первые научные открытия. Математические труды принесли ему славу выдающегося ученого, и Хайяму начали оказывать покровительство меценатствующие правители.

Заметим, что во времена Хайяма ученый не был самостоятельным человеком, он мог регулярно заниматься наукой только при дворе правителя, от нрава которого зависела в значительной степени судьба ученого. Но именно ученые-царедворцы во многом обеспечивали правителю прочность власти и ее величие. Правители XI в. соперничали между собой в блеске своей свиты, переманивали друг у друга образованных царедворцев. Так, судьба Хайяма во многом определялась чередой сменяющих друг друга покровителей, от которых ученый зависел и которых упоминал и благодарил в своих трудах.

1074 г. стал знаменательной датой в жизни Омара Хайяма: начался 25-летний период его особенно плодотворной научной деятельности, блестящей по достигнутым результатам. Он был приглашен султаном Малик-шахом в столицу огромного Сельджукского государства Исфахан. Омару Хайяму было поручено Малик-шахом строительство и управление дворцовой обсерваторией. В течение 5 лет Хайям, вместе с группой астрономов, вел научные наблюдения в обсерватории. Ими был создан новый календарь, отличавшийся высокой степенью точности. Этот календарь получил название по имени заказавшего его султана – «Маликшахово летоисчисление».

Омар Хайям практиковал при царствующей особе и как астролог. Слава Омара Хайяма как астролога-прорицателя, наделенного особым даром ясновидения, была очень велика. В Исфахане, в пору расцвета научного творчества и жизненного благополучия Омара Хайяма, им были созданы философские сочинения, он продолжал заниматься и математикой.

Относительно спокойный 25-летний период жизни Омара Хайяма при дворе Малик-шаха оборвался в конце 1092 г., когда султан скончался при невыясненных обстоятельствах. Положение Хайяма при дворе пошатнулось. К славе Хайяма как выдающегося математика и астронома прибавилась крамольная слава вольнодумца и вероотступника. Его преследовали, ему угрожали. Хайям с тяжелым сердцем оставил город, где прошли его счастливые годы. Он вернулся на родину, в Нишапур, где прожил до конца своих дней.

О позднем периоде жизни Омара Хайяма известно также мало, как и о его юности. Возможно, в конце жизни он вел преподавание в Нишапурском медресе, имел небольшой круг близких учеников, изредка принимал искавших встречи с ним ученых и философов, участвовал в научных диспутах. По словам средневековых биографов, он не был женат и не имел детей, жил замкнуто, испытывая чувство постоянной опасности из-за непрекращающихся преследований и подозрений.

Могила Хайяма, над которой возвышается величественный надгробный памятник, одно из лучших мемориальных сооружений в современном Иране, находится в Нишапуре около мечети памяти имама Махрука.

Другим вечным памятником Омару Хайяму стала его поэзия. В народной памяти он сохранился как ученый-мудрец. Память о нем как о поэте поддерживалась среди немногих почитателей его слишком специфического, очень не восточного по духу своему таланта. История рассудила по-своему: гонители остались безвестными, а гениальные четверостишия Омара Хайяма веками переписывались из одной рукописной книги в другую.

Имя Хайяма гремело по всему мусульманскому Востоку: Ученейший Муж века, Доказательство Истины, Знаток греческой науки, Царь философов Востока и Запада, Имам Хорасана. Так называли математика, астронома, философа, врача и астролога. Награждая Хайяма пышными –

и заслуженными! – титулами за его научные достижения, современники не произносили главного титула – титула царя Поэтов. Его мудрые, полные юмора, лукавства и дерзости четверостишия (рубай) расходились по мусульманскому миру со скоростью бодро шагающего каравана и несли людям утешение, повод для раздумий или восторг перед глубиной мысли и совершенством ее поэтического воплощения. Известно, что рубаи Омара Хайяма распевали одно за другим, как куплеты песни, в чайханах, в сутолоке и пестроте восточных базаров, их повторяли во дворцах и глинобитных жилищах бедняков.

Омар Хайям писал исключительно рубаи. Рубай, персидское четверостишие, занимает особое место в системе жанров персидско-таджикской классики. Рубай пришло в письменную поэзию из исконно иранского песенного фольклора. Первым в письменную поэзию такие четверостишия ввел поэт Рудаки. Омар Хайям утвердил внутренние законы рубаи, выгранил и трансформировал эту форму в новый философско-афористический поэтический жанр. Форма рубаи обрела в его творчестве удивительную емкость: в коротких четверостишиях поэт Омар Хайям словно стремился передать глубокую мысль в форме точной математической формулы, афоризма. В каждом из них заключена крупница юмора и (или) мудрости.

*Я много по горам да по степям кружил;
Не ублажил судьбу, достатка не нашёл.
Я вдоволь бедовал и лишь одним доволен:
Жил худо, бедно жил, но – худо-бедно – жил!*

*Скитаний ты не знал, не бедовал – напрасно.
Лица ручьями слез не омывал – напрасно,
Ожогов на сердце пока страшился ты,
Пока жалел себя, – существовал напрасно*

Исконно народные по форме рубаи Хайяма и при его жизни, и после смерти породили множество подражаний. Исследователи расходятся и в оценке количества четверостиший. Многие стихи Хайяма за 9 веков потерялись безвозвратно. Примерно 1200-1400 четверостиший написано действительно Хайямом, а писал он стихи в течение всей жизни, до глубокой старости.

Рубай не считались серьезной поэзией. Омар Хайям не был признан своими современниками. Сам поэт без особого почтения относился к своим маленьким шедеврам. Как свидетельствуют легенды, они возникали экспромтом: многие стихи – это отклики на мимолетные события,

шутливые или язвительные реплики в беседах, даже стихотворные ответы на нелепые вопросы учеников. Хайям никогда не записывал своих четверостиший: многие сотни строк дошли до нас только благодаря записям его учеников и друзей.

Центральная идея творчества Омара Хайяма – утверждение за каждым живущим на земле права на радость бытия. Каждая человеческая жизнь – это ценность, и каждый рожденный, говорит поэт, должен получить меру своего счастья, по-земному, сегодня, в увеселениях тела и духа.

*Жизнь пронесется как одно мгновенье
Ее цени, в ней черпай наслажденье.
Как проведешь ее – так и пройдет,
Не забывай: она – твое творенье*

Четверостишия Омара Хайяма были рождены настроениями момента. Поэтому для него особенно важно ощущение реальности лишь одного – переживаемого – мгновения и одного – сегодняшнего – дня.

*Мы обитатели сегодняшнего дня.
Печаль о завтрашнем – загадка для меня.
К чему безумствовать! Живи, свое Сегодня
Как величайшее сокровище цени*

По мнению Омара Хайяма, для избавления от власти небес, от рока, для направления человечества к будущему счастью необходимо все время пребывать в положительном душевном настрое. Он всем раздает советы: будь весел, ибо мир непостоянен; не растрать впустую своего мгновенья, не упусти доставшегося тебе мига, не проплачь его, проведи весело!

*Будь весел! И гадать до срока ни к чему
На радостный рассвет, на горестную тьму.
И небо-колесо не ведает, ему
Проехать мимо иль по сердцу твоему*

Чтобы ни было уготовано человеку его судьбой, он должен стойко это принять. Рок силен, но не всемогущ. Отнять положительный настрой души человека ему как раз и не по силам.

*В безмерности небес, укрытый синевою,
Тебе назначенный, ждет часа кубок твой.
Настанет твой черед, прими без сожалений
И радостно испей свой кубок роковой*

Признания творчеству Омара Хайяма пришлось ждать семь с половиной столетий. В XIX в. английский переводчик Э. Фитцджеральд издал поэму «Рубайят Омара Хайяма», в которой представил вольный перевод пристрастно отобранных им 75 четверостиший древнего поэта, произвольно им истолкованных и связанных между собой стихотворными вставками собственного сочинения. Так, Омар Хайям стал известен в Европе.

Заветы Омара Хайяма навсегда останутся в веках благодаря сохранившимся рубайи. Нам остается только следовать мудрости этого легендарного человека, обессмертившего свое имя такими строками:

*Не жмурься! Над землей – кружиться небесам,
Легендам о тебе – кружить по городам.
Пока планетам плыть кругами вековыми,
Тебя оберегать предписано векам.*

«Шейх» Саади

*Саади, боязни чужда твоя речь,
К победе иди, если поднял ты меч!*

*Всю правду яви! Все, что знаешь, открой!
Прочь речи корысти с их лживой игрой!*

*Иль смолкни, чтоб жар твоей мудрости чах,
Иль, алчность отринув, будь волен в речах!*

Саади

Муслихиддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрафадин Саади (между 1203 и 1210-1292) родился в Ширазе (Южный Иран). Совершенно точно известно, что отец мальчика был богословом.

В Средние века люди этой профессии были весьма почитаемы в странах мусульманского Востока, что почти не сказывалось на материальном благополучии их семей. С детских лет мальчик находился под сильнейшим влиянием правоверного родителя, чьи наставления и советы сформировали характер будущего поэта. Под руководством отца Саади познал азы поэзии и богословия.

В XIII веке Шираз был столицей Фарса (родина языков фарси), являвшегося ядром государства Атабеков (князей) из династии Салгуридов.

Отец будущего поэта служил при дворе атабека Саада I (1195-1226), в честь которого и назвал своего первенца. Поскольку отец Муслихиддина умер рано, уважавший богослова Саад I принял участие в судьбе сироты. Именно он для усовершенствования знаний отправил юношу в Багдад, где его наставниками стали прославленные суфийские учителя Гилани и Сухраварди. Поэт учился в прославленном низамийе, основанном Низам-аль-Мульком, покровителем Омара Хайяма. Видимо, в эти годы молодой человек вступил в суфийский орден Накшбандийя. Всю жизнь поэт поддерживал тесную связь с шейхом Шахбудином Сухраварди, основателем школы сухравардия, и одним из величайших суфиев всех времен Наджмудином Кубра.

Уже в годы учения в Багдаде Саади начал писать стихи. С одной стороны, он искренне и глубоко проникся идеями суфизма, а с другой стороны, произведения поэта были преисполнены юношеской любви к житейским радостям. Годы учебы Саади были прерваны монгольским нашествием. Захватчики безжалостно уничтожали все, что попадалось им на пути, поголовно истребляли население и разрушали города и селения. Потери, понесенные в эти годы мусульманским миром, оказались невозполнимыми: великие традиции учености Востока были разрушены до основания и уже никогда вновь не достигли прежнего уровня.

В 1226 году погиб атабек Саад I, и Саади остался без покровителя. Он был вынужден покинуть Багдад и в одежде дервиша отправился бродить по свету. О годах скитаний Саади сохранились отрывочные сведения. Путешествовал поэт преимущественно пешком и исходил почти весь мусульманский мир. Где только не побывал Саади: в Аравийской пустыне, в Азербайджане и Сирии, в Египте и Марокко. Он сражался с крестоносцами, попал в плен, чуть не погиб, но спасся и вновь скитался по городам и пустыням, подвергался бесчисленным опасностям. Путешествие затянулось на долгие тридцать лет.

*По дальним странам мира я скитался,
Со многими людьми я повстречался*

*И знание отовсюду извлекал,
Колося с каждой жатвы собирая.*

С 1256 года Саади навсегда поселился в Ширазе под покровительством атабеков. Жил поэт в пригородном монастыре (караван-сарай), был шейхом – почтенным человеком. Князья, вельможи, богатые купцы считали за честь побывать в гостях у Саади и побеседовать с ним. Его слава и репутация в области поэзии, прозы, этики философии стали уже к

тому времени предметом всевозможных слухов и преданий, граничивших с легендами и домыслами.

Как-то Саади сказал, что человеку нужно прожить две жизни: в одной искать, заблуждаться, снова искать, а в другой претворять накопленный опыт. Недаром Саади приписывают жизнь длиной около века: первые полвека своей жизни он провел в странствиях и исканиях, а умудренный опытом, снискавший огромное уважение своими познаниями и стихами, Саади вторые полвека провел, пребывая в покое. Поэту казалось, что первая его жизнь помогла обрести истину. Тогда-то он и написал свои знаменитые книги о том, как нужно жить. Казалось бы, Саади стал претворять свой опыт в жизнь.

В свободное время мудрец писал прозаические произведения и замечательные стихи. В кратчайший срок им были созданы два шедевра, принесшие поэту бессмертную славу. В 1257 году Саади обнародовал поэму **«Бустан»** – «Плодовый сад», а в 1258 году появился **«Гулистан»** – «Розовый сад». Это произведение было написано вперемежку прозой и стихами.

«Вторая жизнь» Саади – это покой, примирение с обстоятельствами, иногда приспособление к ним. Однако истина действительно постигается в лишениях и борьбе, как и было в «первой жизни» поэта. Но и для того, чтобы эту истину сделать достоянием людей, нужно проповедовать ее не в состоянии покоя, а в состоянии непрекращающейся борьбы. Все это и определило неразрешимые противоречия в этих двух «учебниках жизни» Саади.

То, отражая настроения своей «первой жизни», подкрепляя свои мысли накопленным им самим житейским опытом, Саади призывает к мужеству, упорству, труду и, главное, только к правде. То, выражая настроения усталости и стремления к покою, он сбивается на призывы к приспособленчеству, к благочестию, а порой и к хитрости. Однако в его книгах преобладают идеи мужества и правды, и даже там, где поэт отступает от них, его устами говорит мудрый и многоопытный муж.

*О шах, чтоб твердо свой корабль вести,
Ты мудрецов и воинов расти.*

*Без воинов и без мужей познания
Не возведешь ты царственного зданья.*

*Перо и меч – надежный твой оплот,
Которого и время не сотрет.*

Забудь пиры, веселье, чанга звуки,

А укрепляй войска, лелей науки.

* * *

*О царь, не угнетай простой народ,
Знай: и твое величие пройдет.*

*Ты слабых не дави. Когда расправят
Они свой стан, они тебя раздавят.*

*Знай – не ничтожна малого рука!
Иль ты не видел горы из песка?*

*Где муравьи все вместе выступают –
то льва могучего одолевают.*

*Хоть волос тонок, если ж много их –
И цепь не крепче нут волосяных.*

«Гулистан» и «Бустан» – выдающиеся классические суфийские произведения, почти тысячу лет формировавшие и ныне формирующие моральные и этические воззрения миллионов людей в Индии, Персии, Пакистане, Афганистане и Центральной Азии.

Наибольшую славу снискал Саади своим «Гулистаном», состоящим из восьми глав, содержание которых охватывает разнообразные стороны действительности и кодекса морали автора. Каждая глава состоит из небольших рассказов, написанных мерной речью, с рифмами. Рассказы заканчиваются одной или несколькими стихотворными строками. Это величайшее прозо-метрическое произведение на Востоке. В книге Саади рассказывает о своих встречах в разными людьми, о различных событиях. Сюжеты взяты часто из жизни самого поэта, текст пересыпан остроумными сентенциями, парадоксами, тонким юмором. Важнейшими в каждом рассказе являются стихотворные строки, а проза как бы обрамляет стих. Более того, в мусульманском мире «Гулистан» признан сводом моральных установлений, с которыми в обязательном порядке должен ознакомиться любой грамотный молодой человек. Это изначальный суфийский учебник для юношества.

*Ты не чуждайся мудрого совета
Наставника подростку в оны лета.*

*Не обижай слабейшего, дитя!
Сильнейший враг побьет тебя, шутя.*

*Волчонок глупый, не пускайся в игры,
Где можешь ты попасться в лапы тигра.*

*Я также в детстве малым крепким был –
И маленьких и беззащитных бил.*

*Но вот меня однажды так побили,
Что пальцем трогать слабых отучили.*

** * **

*Сумей богатство в малом обрести
И эту правду жадным возвести.*

*...Живущий духом чужд телесных нег.
Забыв свой дух, убьешь его навек.*

*Живущий духом – доблестью сияет.
Живущий телом – доблесть убивает*

Не менее высоки и новы нравственные идеи стихотворного по форме, тоже дидактического произведения «Бустан». В нем десять глав, название и содержание которых переключается с «Гулистаном». В центре внимания – высоконравственная, доброжелательная личность, красота человеческих чувств.

Саади разработал художественную концепцию гуманизма и впервые не только в поэзии на фарси, но и в мировой изящной словесности создал самый термин «гуманизм» («человечность» – «адамийнат»), выразив его в прекрасной поэтической форме.

*Все племя Адамово – тело одно,
Из праха единого сотворено.*

*Коль тела одна только ранена часть,
То телу всему в трепетание впасть.*

*Над горем людским ты не плакал вовек, -
Так скажут ли люди, что ты человек?*

Менее известны в мире, но широко распространены среди фарсиязычных народов прекрасные стихи Саади, его оды и газели, собранные в многочастном «Диване». Эти произведения являются энциклопедией практической жизни.

Сочинял ли Саади касыды, лирические газели, сборники притч и назиданий, он всегда стремился изобразить душевную красоту человека.

*Я влюблен в эти звуки, в это сердце мне ранащий стон.
Я беспечен; и день мой проплывает неясно, как сон.*

*Ночи... Ночи бессонные, в ожиданье моей светлоюкой,
Но тускнеет перед нею свет, которым весь мир озарен.*

*Если вновь приведется мне лицо ее нежное видеть –
Сам себя я счастливым буду звать до скончанья времен.*

Муслихиддин Саади умер в 1292 году. Похоронен он в Ширазе. Мавзолей, возведенный в 1950-х годах, утопает ныне в розах, напоминая поклонникам поэта о великом «Гулистане».

*Эй, устамеля и болтун, как о любви ты смеешь петь?
Ведь стройно ты за жизнь свою десятка бейтов не связал!
Смотри, как в помыслах высок владыка слова Саади, -
Он пел любовь, одну любовь, – земных владык не восхвалял*

«Моуляви» («ученый муж») Руми

*Придется ль мне до той поры дожидать,
Когда без притч смогу я говорить?
Сорву ль непонимания печать,
Чтоб истину открыто возглашать?*

Руми

Руми Джалаледдин (1207-1273) родился в Балхе (ныне город в Афганистане), поэтому нередко именуется Джалаледдин Балхи. Его отец, видный богослов, к началу монгольского нашествия покинул родной край и перебрался в Малую Азию, в Конийский султанат. Здесь Джалаледдин окончил медресе и вскоре стал проповедником созданной им суфийской системы. Здесь же он сложился как поэт, основал суфийское братство, прославившись как «Моулана» («наш учитель») и «Моуляви» («ученый муж»).

Руми – автор газелей и шеститомного «Духовного маснави», энциклопедии не только его суфийского учения, но и фольклора. Он диктовал ее, как и все стихи, своим ученикам в течение десяти лет. Свои сложные теоретические положения поэт основывает на притчах, легендах, баснях, анекдотах и новеллах, многие сюжеты которых перекликались с широко известными фольклорными мотивами, что и сделало

поэму подлинной энциклопедией народной жизни. Поэт дал образное толкование основных положений суфийской философии. «Маснави» представляет собой ценнейший свод устного народного творчества XIII века.

Спор о слоне

*Из Индии недавно приведен,
В сарае темном был поставлен слон,*

*Но тот, кто деньги сторожу платил,
В загон к слону в потемках заходил.*

*А в темноте, не видя ничего,
Руками люди шарили его.*

*Слонов здесь не бывало до сих пор,
И вот пошел средь любопытных спор.*

*Одни, коснувшись хобота рукой:
«Слон сходен с водосточною трубой!»*

*Другой, пощупав ухо, молвил: «Врешь,
На опахало этот зверь похож!»*

*Потрогал третий ногу у слона,
Сказал: он вроде толстого бревна».*

*Четвертый, спину глядя: «Спор пустой –
Бревно, труба... Он просто схож с тахтой».*

*Все представляли это существо
По-разному, не видевши его.*

*Их мнения – несуразны, неверны –
Неведением были рождены.*

*А были б с ними свечи – при свечах
И разногласья не было б в речах.*

Спор грамматика с кормчим

*Однажды на корабль грамматик сел ученый,
И кормчего спросил сей муж самовлюбленный:*

«Читал ты синтаксис?» – «Нет», – кормчий отвечал.

«Полжизни жил ты зря!» – ученый муж сказал.

*Обижен тяжело был кормчий тот достойный,
Но только промолчал и вид хранил спокойный.*

*Тут ветер налетел, как горы, волны взрыл,
И кормчий бледного грамматика спросил:*

*«Учился плавать ты?» Тот в трепете великом
Сказал: «Нет, о мудрец совета, добрый ликом!»*

*«Увы, ученый муж! – промолвил мореход. –
Ты зря потратил жизнь: корабль ко дну идет!»*

Руми также является автором **«Великого Дивана» («Девани кабир»)**, многих газелей, которые он «подписывал» именем своего друга и вдохновителя Шамса Тебризи.

Поэтическая форма у Руми – будь то газель, рубаи, маснави – всегда совершенна. Но если его духовные поучения впечатляющи для приверженцев суфийского вероучения, то притчи и новеллы – это поистине поэтические жемчужины, яркие, блестящие юмором, гармонически сочетающие необычайную отшлифованность и столь же необычайную простоту.

В поучениях Руми сквозь религиозно-мистическую оболочку пробивается мысль об уважении к человеческой личности, о братстве людей и содружестве народов и рас, о сочувствии человека в беде, о взаимопомощи. В его стихах сквозит презрение к ханжам и святошам. Но в произведениях Руми нет ненависти ко злу, а есть лишь его осуждение, в них нет призыва к активности и борьбе, а звучит лишь призыв к самосовершенствованию. Мотив непротивленчества – слабая сторона творчества поэта. Главный же пафос его поэзии – любовь к людям.

*Бываю правдивым, бываю лжецом – все равны.
То светлый араб я, то черен лицом – все равны.*

*Я солнцем бываю, крылатым Симургом души,
Царя Сулеймана волшебным кольцом – все равны.*

*Я – буря и прах, я – вода и огонь, я слышу
Порой благородным, порой подлецом – все равны.*

*Таджиком ли, тюрком ли – быть я умею любым,
Порой прозорливым, порою слепцом – все равны.*

Высокая поэзия Руми, тонкость и глубина мысли, образная поэтиче-

ская система критически осваиваются современными таджикскими и иранскими читателями.

Хафиз

*Девой – слово назовем,
Новобрачным – дух:
С этим браком тот знаком,
Кто Гафизу друг.*

И.-В. Гете

Великий иранский поэт **Хафиз Шамсиддин** (Ходжа Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз Шерози) (1325-1389 или 1390) родился в семье Баха ад-Дина, очень богатого кушца из Шираза. Доподлинно известно, что род Хафиза происходил из Исфахана. В годы правления династии Атабеков Салгуридов Фарса (1148-1270) предки поэта пере-

брались в Шираз.

Отец Хафиза умер рано, продолжить его дело было некому, и вскоре семья разорилась. Старшие братья будущего поэта отправились по свету в поисках лучшей доли, а маленький Шамс ад-Дин Мухаммад остался с матерью. Но несчастная женщина была не в силах прокормить ребенка, а потому отдала его на воспитание в чужую семью.

Опекун недолго заботился о приемыше и отправил его обучаться ремеслу в дрожжевой цех. Ученикам оплачивали работу. Шамс ад-Дин Мухаммад оказался и трудолюбивым, и практичным мальчиком. Треть своего заработка он платил учителю соседней школы, треть отдавал матери, остальное тратил на свои нужды. В школе он выучил наизусть священную книгу мусульман и стал чтецом Корана – хафизом. Так слово «хафиз», означавшее человека, обладающего хорошей памятью, способного воспроизвести наизусть священную книгу мусульман Коран, стало поэтическим псевдонимом. Чтение наизусть Корана было на Востоке профессией. Ей обучали детей небогатые родители, не имевшие других возможностей обеспечить своих сыновей. Почитался Хафиз в свое время за большие богословские знания, но бессмертную славу одного из крупнейших лириков мира он обрел благодаря своим газелям.

Ремесленники и торговцы Шираза, так называемые «люди базара», славились любовью к поэзии. Многие ширазские лавки (торговые лавки) одновременно были чем-то вроде поэтических «клубов», где устраи-

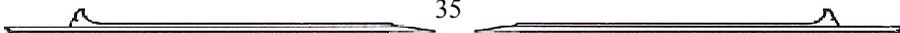
вались диспуты и соревнования сочинителей. Шамс ад-Дин Мухаммад был постоянным участником таких собраний, но над ним преимущественно потешались, как над ничего не понимающим в поэзии. Ширазские ценители поэзии не верили, что Хафиз слагал газели самостоятельно. Было решено устроить молодому человеку испытание. Поэту предложили написать ответ на газель-образец (такими образцами, как правило, служили признанные шедевры прошлого). Новая газель Хафиза восхитила ценителей. Слава о гениальном поэте быстро распространилась по странам Срединной Азии.

Хафиза стали приглашать ко дворам восточных владык, но поэт не пожелал покидать Шираз. Он почти безвыездно прожил здесь всю жизнь, никогда не женился, не имел детей и только постоянно заботился о семьях своих сестер. Средства к существованию Хафиз зарабатывал творчеством, а также чтением и толкованием Корана.

Первым покровителем Хафиза стал Абу Исхак Инджу (правил в 1343-1353 годах). Это был беспечный и веселый человек, любил пышные застолья, покровительствовал наукам и искусствам. Времена Абу Исхак Инджу Хафиз называл впоследствии «золотым веком» для поэтов. Но век легкомысленного владыки был короток. Вновь Хафиз был приближен ко двору покровительствовавшего поэтам и ученым Абу-л-Фавариса Шаха Шуджа (правил в 1364-1384 годах), однако отношения поэта с правителем не сложились. Последние годы жизни Хафиза пришлось на эпоху завоеваний эмира Тимура (Гамерлана) (1336-1405).

Умер Хафиз в Ширазе. Он был похоронен в своем парке «Мусалла», на берегу реки Рукнабада.

Вскоре после кончины Хафиза пришло время его великой славы. Еще при жизни поэт пользовался всеобщим признанием, современники даже наградили его почетными прозвищами Лисан ал-гайб (Сокровенный язык) и Тарджуман ал-асрар (Толкователь тайн). Некто Гуландам, предположительно личный секретарь поэта, составил «Диван» – посмертное собрание стихотворений Хафиза. Сборник в основном состоял из газелей, проникнутых гедонистическими мотивами и облеченных в форму суфийских поучений. Произведения Хафиза стали известны за пределами его родины еще при жизни поэта. Считается, что его поэтическое наследие состоит из более пятисот газелей, некоторого числа рубай и двух небольших поэм. Трактовка его творчества была и остается самой различной – от мистического плана до земного, реального. Уже через сто лет творения Хафиза были признаны непревзойденным образцом персидской литературы. Сегодня «Диван» Хафиза – наиболее часто издаваемая (после Корана) и самая раскупаемая книга в Иране.

Лирическое, посвященное глубоко личным переживаниям стихотворение получает у поэта иное звучание, становится неким манифестом вольности. Именно такие газели и определяют непреходящее значение творчества Хафиза.

*Коль туда, куда стремлюсь, я направлю полет, -
Так за дело я возьмусь, что тоска запоет!*

*Сильных мира я безу, словно зимних ночей,
Жду от солнца одного лучезарных щедрот.*

*Благодарства не ищи у надменных владык:
Прежде чем откроют дверь, жизнь бесследно пройдет.*

*Пусть же сгинет эта жизнь — умерщвляющий ад!
Славь, певец, другую жизнь — улаждающий сот!*

*Пожелай, мой соловей, чтоб земля наконец
Стала садом, где твой дух к нежной розе придет!*

*Здесь упорство с торжеством в давней дружбе живут:
Кто упорство впустит в дом — торжество призовет.*

*Мудрено ли, что всегда беззаботен Хафиз:
Вольный странник на земле, не страшится тягот!*

Вслед за Хайямом, изобличая ханжество и противопоставляя святоше-постнику вольного бродягу (рэнда), забуддыгу, прикидывающегося циником. Герой Хафиза — буйный ринд: «привольный орел», «верный друг», «человек, богатый сердцем и умом», «сильный духом», «воспламеняющий сердце», ниспровергатель освященных исламом авторитетов. Тема вина связана не с мистическим опьянением, а с радостным упоением жизнью, озорным бунтом против запретов шариата, против лицемера-надсмотрщика, а также философским приятием вечного бытия: «О вечность, хмельная чапа, Хафиз этой чашей пьян!»

*Нам надо наслаждаться, — пришла пора цветенья,
Главы пиров и пьяниц исполним повеленья.*

*Молитвенный свой коврик продай, - вино ты купишь,
Поторопись, иначе умчатся наслажденья.*

* * *

*Песня, брызнуть будь готова – вновь, и вновь, и вновь, и снова!
Чашу пей – в ней снов основа – вновь, и вновь, и вновь, и снова!*

*Друг, с кумиром ты украдкой посиди в беседе сладкой, -
К поцелуям жду я зова – вновь, и вновь, и вновь, и снова!*

*Насладимся ль жизнью нашей, коль не склонимся над чашей?
Пей во славу чернобровой – вновь, и вновь, и вновь, и снова!..*

Хафиз вкрапливает в свои газели строки, дышащие ненавистью к насилью и религиозному обману, по-своему отражая народные настроения протеста, бунта. Это не прямой призыв к восстанию – Хафиз был далек от этого, – но это выражение мятежных настроений в форме личного бунта поэта против мерзостей жизни.

*Кому удел не тлетворный в тлетворных столетьях дан?
Что прочно? – Ладья газелей. Что вечно? – Пьянящий жбан.*

*Возьми же вина в дорогу, – ведь жизнь не сравнишь ни с чем.
Путь к раю подобен чаще, и мало на нем полян.*

*Один ли познал я тленность? – ученый, что знает мир,
Постиг и свое бессилье, и знаний вечный изъян.*

*...Все зданья падут, разрушась, и травы на них взрастут, -
Лишь зданье любви нетленно, на нем не взрастет бурьян.*

*Прохожие люди трезвым не встретят меня вовек!
О вечность! Хмельная чаша! Хафиз этой чашей пьян.*

Вольнолюбивая мысль Хафиза не связана ни с какой определенной системой. Он свободно брал и сочетал, часто противоречиво, то, что соответствовало его поэтическому восприятию мира и жизни. В описаниях природы, весны, горячих любовных признаний и вздохов звучит музыка жизни, человеческих страстей и чистых чувств, противостоящих духу угнетения личности, прикрытому религиозной оболочкой и призывом к смирению.

*Когда красавицу Ширази своим кумиром изберу,
За родинку ее отдам я и Самарканд и Бухару.*

*Налей мне, кравчий, полный кубок! В раю не будут мне даны
Сады в окрестностях Ширази и лепет речки поутру!*

...Вином и пеньем опьяненный, забудь о тайнах бытия:

Ведь не подвластны эти тайны уму, и слову, и перу!

*Ты нанизал, как ожерелье, свою газель. Читай, Хафиз,
Чтоб ожерелье звезд блистало перед тобою ввечеру!*

Стихи Хафиза предельно музыкальны. Он точно выбирает образы, краски, полутона, его язык метафоричен. Поэт продолжал традиции многих великих фарсиязычных поэтов: психологизм Низами, рационализм Хайяма, возвышенный стиль Руми, мастерство Саади – и вдохнул в этот поэтический сплав дух острословия, свободомыслия и бунтарства.

Хафиз довел жанр газели до совершенства. Степень его мастерства такова, что каждый бейт (двустигийные) газели может существовать отдельно или переставляется местами в одной газели, не нарушая смысла стихотворения. В газелях Хафиза в полной мере была выражена идея свободной индивидуальности, подымающей бунт против небесных и земных владык, бросающей вызов самому небу.

*Не откажусь любить красавиц, и пить вино, и пить вино!
Я больше каяться не буду, чтоб ни было, – мне все равно!*

*Прах у порога луноликой мне райских цветников милей,
Всех гурий за него отдам я и все чертоги заодно!*

*Как надоели мне намеки, увещеванья мудрецов,
Я не хочу иносказаний, – ведь их значенье так темно!*

*Нет, не пойму я, что творится с моей беспутной головой,
Покуда в кабаке не станет кружиться быстро и жмельно.*

*Советчик мне сказал с укором: «Ступай, от страсти откажись», –
Нет, братец, буду страсти верен: подруге предан я давно.*

*Того довольно, что в мечети не стану девушек ласкать,
А большей набожности, право, мне, вольнодумцу, не дано!*

*К наставнику виноторговцев я всей душой стремлюсь, Хафиз,
Его порогу поклоняться, – я твердо знаю, – не грешно.*

«О, бедный странник в Городе Красот!»

*Кто я, навек утративший покой, -
Смиранный странник на стезе мирской?
Но каждый вздох мой порождает пламя,
И сон бежит меня в ночи глухой.*

Джами

Абдурахман Джами (1414-1492) принадлежит к плеяде великих поэтов и мыслителей средневекового Востока. Творения Джами явились достойным завершением, своего рода венцом классического периода персидско-таджикской литературы, которая, возникнув в 9 веке, блистательно развивалась на протяжении шести столетий.

Джами родился 7 ноября 1414 года (по мусульманскому летоисчислению 23 шаабана 817 года) в селении Харджард, расположенном между Гератом и Мешхедом. Полное имя поэта – Нураддин Абдурахман ибн Низамаддин Ахмад ибн Шамсаддин Мухаммад. Литературное имя (тахаллус) он получил, как это было принято в то время, по месту рождения, а именно от названия небольшого городка Джам, центра одноименной области, в которой находился Харджард. Джами – значит «родом из Джама».

С 4-х лет Джами стал посещать школу. Необычайные способности ребенка позволили ему, в короткий срок овладев грамотой, пройти курс арабской грамматики, хорошо изучить Коран и познакомиться с классическими произведениями персоязычной литературы. Основным наставником будущего поэта был его отец Низамаддин Ахмад, человек образованный и просвещенный. Позднее Джами о нем сказал: «Воистину, мы были учениками своего отца, так как владеть языком выучились у него». Одиннадцатилетним подростком Джами вместе с родителями переезжает в Герат. Он продолжает образование, сначала в медресе Низамийе, затем в медресе Дилкаш. Изучает арабский язык, логику, поэтику, риторику, теологию, философию. Слушает лекции видных ученых, постигает основы точных наук: астрономии, математики, геометрии. Приобретает серьезные знания, начинает заниматься самостоятельным научным творчеством.

В 1436 году Джами поступает в знаменитое медресе Улугбека и продолжает совершенствовать свои знания в области геодезии и теологии у ведущих ученых Самарканда – Улугбека, Кази-заде Руми, Фазлуллаха Абулайси. Преподаватели отмечали у Джами исключительные способности и неутолимую жажду знаний. Скупой на похвалы Кази-заде Руми

однажды не удержался от того, чтобы не сказать о Джами: «С тех пор, как существует Самарканд, еще не переправлялся к нам через воды реки Аму человек, равный по уму, благородству и находчивости этому юноше из Джама.»

Абдуррахману Джами было ненавистно раболепие перед знатными и власть имущими – эту черту он пронес через всю жизнь.

*Сталь закаленную разгрызть зубами,
Путь процарапать сквозь гранит ногами,
Нырнуть вниз головой в очаг горящий,
Жар собирать ресниц своих совками,
Взвалить на спину ста верблюдов ношу,
Восток и Запад измерять шагами –
Все это для Джами гораздо легче,
Чем голову склонять перед подлецами.*

Как шло творческое становление Джами-поэта? Еще в годы учебы в Самарканде Джами близко познакомился с религиозно-мистическим учением суфийского ордена «Накшбандийе». Последователи суфизма признавали как незыблемую реальность божественное начало: мир, познаваемый в опыте, утверждали они, лишь эманация теоса. Изначальная формула единобожия, провозглашенная в Коране: «нет бога, кроме бога», согласно суфийской доктрине, получила редакцию: «нет ничего, кроме бога».

Суфийский орден, во главе которого стоял Джами, представлял собой традиционную мусульманскую общину, исповедовавшую пренебрежение земными благами во имя духовных, следование заветам пророка и служение близким.

*Мой ходжа! Ты в молитвах ликуешь скорбя,
Все мирские грехи ты взвалил на себя.
Слишком тяжек твой груз? Оттого нам не легче.
Сбрось на землю, не то он раздавит тебя!*

Стихи Абдуррахмана Джами пользовались неслыханным успехом у его современников. В зрелые годы он познал славу всенародного поэта. Джами требовал от поэзии высшей гармонии формы и содержания, отказа от искусственных и формалистических приемов, простоты изложения и, следовательно, широкой доступности литературного произведения. Традиционное придворное продажное славословие Джами клеймит презрением:

Доколе из корысти ткать одежды

*Для каждого ничтожества, невежды?
Доколе в щедрых превращать скупцов,
Невеж – в радушных, глупых – в мудрецов?
Сто раз колоть ты можешь скряги –
Не выйдет капля крови или влаги,
А ты твердишь: «То щедрости рука,
То жемчугам обильная река!»
Того, кто долго буквы изучает,
Но где алиф, где даль – не различает,
Ты первым просветителем зовешь,
Провидцем и учителем зовешь...*

На собственные средства Джами построил два медресе, представляющие собой замечательные архитектурные сооружения, ханаку – обитель для суфиев и странноприимный дом. Для крута очень близких людей и избранных учеников он проводил уроки по теории поэзии, по философии и труднейшим вопросам теологии. Нередко на этих уроках изучались произведения самого Джами, поэт подробно комментировал для учеников свои стихи и произведения предшественников. Свидетельства современников донесли до нас живые черты Джами. Поэт носил самую простую одежду, был непритязателен в еде. Окруженный почетом, он сторонился дворцовых увеселений, любил общение с простыми людьми.

Абдурахман Джами скончался 9 ноября 1492 года. Трауром по поэту было охвачено все население Герата. Плакание поэта продолжалось целый год. Гробница Джами до наших дней остается местом паломничества. Жители Герата по нерушимой давней традиции каждый четверг приходят поклониться его праху.

Свои крупные литературные произведения Джами написал уже к концу жизни. Вершину его поэтического творчества составляет цикл больших эпических поэм, получивших в дальнейшем общее название «Семь престолов»: «Золотая цепь», «Саламан и Абсаль», «Дар благородным», «Четки праведников», «Юсуф и Зулейха», «Лайли и Маджнун» и «Книга мудрости Искандара».

Одним из бессмертных творений Джими является его «Бахиристан» - «Весенний сад». Это широко известное дидактическое произведение можно считать венцом литературной деятельности Джами.

...Старец гератский Абдаллах Ансари, да ниспошлет ему всевышний свое благословение, завещал своим последователям: «Помните слова каждого старца, а если не можете, то вспоминайте имена их для вашей

*От звуков имени святого
течет любовь.
И от писем твоих и слова
течет любовь.
Тот, кто селом твоим проходит,
влюбленным стал.
Да! От дверей твоих и кровя
течет любовь.*

Алишер Навои в своем стихотворении, посвященном Джамии, говорил:

*Он, как звезда Полярная в пути,
К познанию призван избранных вести.
Он клады перлов истины открыл,
В зеркале сердца тайну отразил.*

Гуманист и патриот Алишер Навои

*Я – не Хосров, не мудрый Низами,
Не вождь поэтов нынешних Джамии,
Но так в своем смиреннии скажу:
По их стезям проклявленным хожу.*

*Но торки всех племен любой страны,
Все торки мной одним покорены...*

Алишер Навои

Алишер Навои (1441-1501) родился в Герате в 1441 году. Хотя Алишер вышел из знатной семьи, близкой тимуридским придворным кругам, но на его долю выпала весьма беспокойная, сложная и тяжелая жизнь. Пятнадцатилетний юноша поступает на службу к правителю Абул-Касыму Бабуру, затем переезжает в Мешхед, где начинает учиться в медресе, потом опять возвращается в Герат, а оттуда через некоторое время отправляется в Самарканд, который в то время славился как один из центров культуры на Востоке.

Несмотря на суровость своего века и трудность собственной жизни, Навои сумел создать бессмертные произведения, имеющие общечеловеческое значение. В них он бичевал угнетателей, разорителей народа, изобличал социальное зло, воспевал добро и справедливость. В 1476

году Навои слагает с себя обязанности вазира (министра) и целиком отдается творческой работе. Он создает замечательные стихи и бессмертную «Пятерицу» («Хамсу»), проникнутую самыми передовыми для своего времени идеями.

Навои считал, что главная задача литературы – утверждение прекрасного и борьба против социального зла. Художественное слово должно обличать угнетателей, отстаивая при этом духовное превосходство простых людей. Размышляя о смысле поэзии, он пишет:

*Ее одежда может быть любой,
А суть в ней – содержание, смысл живой.
Не ценится газель, хоть и звучна,
Когда она значенья лишена.
Но смысл поэма выскажет сильней,
Когда прекрасен внешний строй у ней.*

Художественное слово могуче, если оно выражает правду:

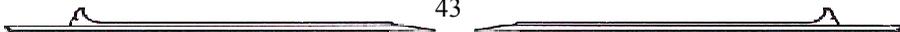
*Коль слово жаром истины горит,
Оно и камень в воду превратит.*

Удивительно широк и многогранен круг творческих интересов и поисков Навои, он – поэт и мыслитель, ученый-историк и лингвист, естествоиспытатель и теоретик литературы, музыки, государства и права, политический деятель. Навои создал свыше 30 произведений, составляющих золотой фонд узбекской литературы.

В 1499 году он пишет свою большую философскую поэму «**Язык птиц**». Навои обожествляет человека и считает его самым ценным существом, неотделимым от самой природы, которая тоже прекрасна.

Другое произведение Навои «**Собрание утонченных**» было написано в 1491-1492 годах, а спустя несколько лет доработано. Будучи сам великим мастером художественного слова и тонким теоретиком литературы, Навои приводит в ней ценнейшие материалы и сведения более чем о трехстах поэтах. Тематика поэзии Алишера Навои настолько широка, а ее содержание настолько глубоко, что его «**Сокровищницу мыслей**» вполне можно считать опозитизированной энциклопедией человековедения той эпохи. Поэт создал замечательный свод лирических стихов, который называется «**Диван Фани**». Эти стихи, созданные на персидско-таджикском языке и подписанные псевдонимом «Фани», не уступают «Сокровищнице мыслей», написанных на узбекском языке и подписанных «Навои».

Другим крупным плодом художественного гения Навои является «**Пятерица**», объединяющая в себе пять бессмертных поэм. «**Смятение**

праведных» - первая поэма, включенная в «Пятерицу», является как бы теоретической программой для последующих поэм. Автор выдвигает мысль о том, что из всех существ самым ценным и совершенным является человек. Многие главы в поэме посвящаются щедрости, благопристойности, воздержанности, любви, преданности, правдивости, пользе знаний, красоте родного края, ценности жизни, а также осуждению алчности, корыстолюбия, эгоизма, праздного образа жизни. Навои поэтически воспеваает красоту и богатство родной страны, восхищается талантливым народом и чудесными плодами его труда. Весьма характерны слова, сказанные в связи с этим в адрес шаха:

*Знай: справедливость громче славных битв
И выше догм, религий и молитв...
Пока стоят земля и небосвод,
Пусть благоденствует любой народ.*

Остальные поэмы «**Фархад и Ширин**», «**Лейли и Меджнун**», «**Семь планет**» и «**Стена Искандера**» обессмертили имя Алишера Навои на многие столетия.

*Эй, кравчий! Чашу счастья поднеси,
Мой мозг усталый ливнем ороси!
Чтоб ожил я, испивши чашу ту,
Как степь в благоухающем цвету!
Последним бейтам, мой певец, внемли,
Печаль души напевом утоли!
О Навои, ты все свершил, что мог,
Твои наво тебе внушил твой бог.
Не спи! В сиянье утренней зари
Дарующего свет благодари!*

Творчество Навои проникнуто высокими идеями гуманизма и патриотизма. Его безграничная любовь к своему народу и родине несколько не мешала с большим уважением относиться к другим народам. Он возвеличил и воспел дружбу между народами независимо от того, где они проживают, на каком языке говорят, к какой расе относятся и каково их вероисповедание. Эта дружба обогащает, облагораживает народы:

*Поймите, люди всей земли: вражда – плохое дело,
Живите в дружбе меж собой – нет лучшего удела.*

Гуманиста Навои интересовали судьбы не только своего народа, но и всех народов земного шара, он не мог равнодушно относиться к их

горькой участи. И поэтому в своих эпико-героических поэмах он призвал к активной борьбе с теми, кто сеет вражду между людьми.

Сам Алишер Навои, будучи близким другом великого таджикского поэта Абдурахмана Джамии, своей общественно-политической и творческой деятельностью показал удивительный образец дружбы, который является прекрасным выражением и символом многовекового братства узбекского и таджикского народов.

Творчество Навои, выдержав суровые испытания веков, дошло и до нас. Великий и прозорливый поэт верил в могучую силу человеческого разума и совести и, обращаясь к потомкам, говорил:

*За темнотой придет сиянье света,
Ты в это верь и будь неколебим...*

Поэтессы Востока: Зебунисса, Дильшод, Анбар-атын

*Увидит соловей меня – и станет к розе он суров,
Огнепоклонник жар огня, узрев меня, забыть готов.
Одета я одеждой слов, как роза – вязью лепестков,
Кто хочет увидеть меня – пусть ищет под покровом
слов.*

Зебунисса

Зебуниссу, Дильшод и Анбар-атын, традиционно называемых узбекскими поэтессами, объединяет то, что в их поэтическом наследии можно найти лирические образцы на узбекском и таджикско-персидском языках. Талантливые женщины-поэты Востока представляют собой яркий пример соединения в поэтическом мире двух близких и неразрывно связанных между собой культур – узбекской и таджикской.

Зебунисса (1639-1708) является потомком известной династии Бабуридов. Родилась она в Дели. В юности поэтесса обучалась грамоте у одной из выдающихся учительниц своего времени – Хафизы Марьям. Получив воспитание под руководством поэтов и ученых, она изучила арабский язык и усвоила основы стихосложения и музыкального искус-

ства, законоведения и логики, проявляла интерес к изучению философии и истории.

Зебунисса внимательно приглядывалась к окружающей ее жизни и высказывала несогласие с господствующими в то время условиями, попривалившими свободу человека. Поэтесса живо ощущала связь с родным народом: «Хоть я и дочь властителя, но чело мое я обращаю к беднякам». Она осталась в памяти своего народа как поэтесса, воспевавшая человечность, любовь к жизни и природе.

*О чем ты плачешь, горный водопад,
О кам горюешь, мукою объят?
В чем твое горе, что день и ночь
О камни бьется струй твоих раскат?*

Произведения поэтессы дошли до родины ее предков и стали любимыми среди узбеков. Поэтесса по традиции своего времени создавала стихи и на таджикско-персидском языке. Ее творчество широко известно в Индии, Иране, Афганистане и Средней Азии.

*Мой облик на Дейли похож, а в сердце пыл Междунуна скрыт,
Но как в пустынный дол уйдешь: сильнее пуг, увя, мой стыд.
Над розой соловей шальной поет – мой робкий ученик,
И мотылек, обучен мной, огнем моей любви горит.*

*На лице – лишь румянца след, а в моем сердце пышет кровь, -
Не так ли до поры свой цвет и хна, как я мой пыл, таит?*

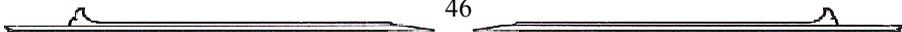
*Всю тяжесть бедствия и утрат взвалила я на небосвод, -
От тяжелой ноши крив-горбат, завесой скорби не закрыт.*

*Дочь шаха я, но уж давно я к долу бедности бреду:
Я именем красна – оно не зря «Зебунисса» звучит!*

Дильшод и Анбар-атын жили в близкие друг к другу эпохи.

Дильшод (1800-1905) родилась в Истравпане (ныне селении Уратепе в Таджикистане). В семнадцати летнем возрасте она во время набега кокандского хана на Истравпан была угнана в Коканд, где и прошла вся ее жизнь. В стихах поэтессы нашло свое отражение глубокое чувство признания к родным местам.

*Душа – с тобой, родная Фергана,
Я на груди Коканда возвращена,
С тобою мне весь мир – словно весна,
Твой край – моя родная сторона,*

Да будет здесь и смерть мне суждена.

*Твой каждый миг стал мне навек родным,
Бурленьем твоих рек мой дух храним,
С тобою мы и бодрствуем и спим,
И стрелы вместе шлем врагам своим, -
Взрастила ты меня, о Фергана.*

*Навек твоя, тебе я – верный друг,
Твой ветер мне – спасение от мук,
Живой водою напоен твой луг,
Нет краше и нежнее твоих рук, -
Как матери, я, дочь, тебе верна.*

*Красой ты ярче солнца и луны,
Все верные – любви к тебе верны,
Но есть порок – есть подлецы, леуны, -
Да будут они смяты, сметены, -
Живи в веках, родимая страна.*

*Любовь моя! Надейся: тьма уйдет,
Не вечны угнетенье, мрак и гнет,
Минуют дни страданий и невзгод,
Настанет и для радости черед, -
Взойдут, я верю, счастья семена.*

*И сложим мы стихи в часы бесед,
Придет свобода к нам – без мук и бед,
Споет один, споет другой поэт,
И стих Дильшод, я верю, будет спет, -
Не будет стонов в эти времена.*

Дильшод стала любимой поэтессой как у узбеков, так и у таджиков, являя своим творчеством живой пример культурных и литературных связей двух братских народов.

От Дильшод до нас дошли написанные на узбекском языке лирические произведения, а также сочинение автобиографического характера **«История переселенцев»**. Дильшод с гордостью говорила, что она училась у Хафиза и Навои.

*Стихов величественный шах, искусностью слышет Хафиз:
Он – как луна в своих стихах, - сияет нам с высот Хафиз.*

В словах он, как никто, остер, в подборе тонких слов хитер,

Он блеском радует наш взор превыше всех щедрот, Хафиз.

Он сам испил волшебный сок и нам испить его помог:

Он, жизнь сложивший в чудо строк, нам радость жизни шлет, Хафиз.

И все, кому он был не мил, кто за грехи его корил, -

От них давно и след простыл, а жив из года в год Хафиз!

Пел сладкогласный Навои, как соловей, стихи свои,

И звучным ладом строк любви снискал себе почет Хафиз.

А где теперь его завет, и кто идет за ним вослед?

В его стихах орехов нет: пример нам всем дает Хафиз.

В стихах Дильшод – искусный лад, - об этом люди говорят, -

Завет твой мною перенят: тебе верна Дильшод, Хафиз.

В лирическом творчестве Дильшод отражены мотивы жизнелюбия, человечности, любви к простому народу. В ее произведениях ярко выражена мечта о светлом будущем, стихи ее полны веры в высокое предназначение человека.

Подруги, сестры, вы – друзья всех моих дум-бесед!

Споем во славу бытия, - веселья лучше нет!

Откиньте от чела покров – пусть люди видят вас,

Пусть их влечет, как мотыльков, красы лучистый свет.

И пусть вовеки край родной не тронет супостат,

Нахлынувши в тиши ночной лавиной зла и бед!

В родных полях престранный лов теперь везде идет:

Бьет воронье перепелов уже немало лет.

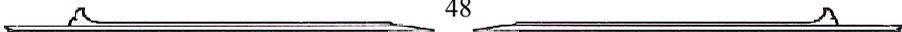
Ташкент, Коканд и Фергана, Ходжент – да внемлют все, -

Да будет наша песнь слышна – песнь воли и побед!

Возьмите ж сазы, струны их споют напев Барно, -

Да будет ее звучный стих по всей стране пропет!

Анбар-атын (1870-1915) была любимой ученицей Дильшод. Под руководством Дильшод Анбар-атын изучала историю, литературу и уже в ранние годы стала пробовать силы в поэтическом творчестве. В последующем Анбар-атын сумела многое сделать как представитель демократического течения в литературе, связанного с именами Мукиим, Фурка-

та, Аваза и других поэтов.

Короткая жизнь Анбар-атын сложилась трагически. Ее стихи, разоблачавшие весь ужас феодальных обычаев, навлекли на нее гнев властительных особ: она была избита, и паралич обеих ног навсегда приковал ее к постели. Но дух поэтессы не был сломлен, и она продолжала создавать свои произведения, полные надежд на светлое будущее.

*Зима уйдет, растает лед, все цветет весною станет,
Вся жизнь по-новому пойдет — земля иная станет.*

*II Черных туч лихую кладь на землю сбросит небо,
II в светлом сердце все сиять голубизною станет.*

*II вороны уж не сдерут покров с зеленых пашен,
II драгоценный изумруд травой земною станет.*

*IIзвечно юным девам люб навруз — веселый праздник,
Весь луг, как цвет их алых губ, подобен зною станет.*

*A будут щедры небеса и ниспошлют им счастье —
За это девичья краса доброй ценою станет.*

*Пусть юным девам для их нег Анбар стихами служит,
II пусть дарована навек им радость мною станет.*

Литературное наследие поэтессы включает в себя лирические стихи и трактат «**Философия черных**». По глубине идейного содержания и художественности произведения Анбар-атын стоят в одном ряду с сочинениями Дильшод и являются их развитием и продолжением. Как и у Дильшод, в творчестве Анбар-атын выражена глубокая вера в прогрессивность присоединения Средней Азии к России. Анбар-атын мечтала о развитии дружеских связей узбеков с русским народом, о содружестве двух народов в созидании нового.

*Я у вас прошу защиты: вам, Фуркат, поможет русский, -
Пусть и мне в смиренной просьбе, словно брат, поможет русский.*

*Что ж, пришел — пришел во благо, пусть он новшества заводит
Школы новые построить для ребят поможет русский.*

*Он сулил простому люду все, что надобно, уладить, -
Пусть же будет верен слову — чем богат, поможет русский.*

Поэтесса, верная идеям просветительства, стремилась оценивать со-

бытия общественной жизни с точки зрения их полезности простому народу. Она писала о равенстве людей, о священных для нее чувствах человечности и любви к ближнему, о любви к родине.

*Восславлена в стихах, воспета, родная Фергана прекрасна,
В стихах не одного поэта хвала ей воздана прекрасно.*

*Коканд, овеян славой вечной, - родной земли и честь и слава,
Гостеприимный он, сердечный, вся эта сторона прекрасна.*

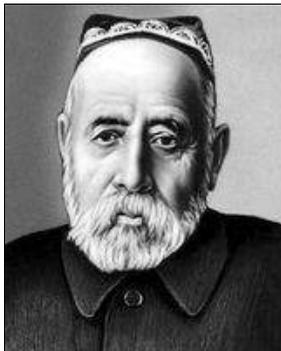
*А Маргилан – краса вселенной, как мать, он обо всех печется,
Шелк для одежды несравненный дает он, и она прекрасна.*

*Богаты в своей тучной силе поля и пашни Андижана,
Здесь хлеб пекли, плоды растили в любви времена прекрасно.*

*И вновь скажу я вам правдиво о грозной славе Намангана, -
Здесь яблоки, гранаты – диво и зреют докрасна прекрасно.*

*Для плова расписные блюда привозят к нам из Рашидана,
Изделя гончаров здесь – чудо, посуда тут славна, прекрасна.*

*Анбар поет все с той же целью – восславить родину, отчизну, -
Да будет каждую газелью она восславлена прекрасно.*

Непокоренный Айни

*Не спрашивайте больше у поэта
Стихов о розе, милой, сне и яви...
И вот они идут, гремя о мести,
Стихи вражды, без рифм и без заглавий.*

С. Айни

Садриддин Сайидмурадович Айни (1878-1954) родился в 1878 году в деревне Соктари Гиджудуванского района Бухарской области. Его отец Сайид-Мурад-ходжа происходил из рода ходжей, ведущих, по преданию, свое происхождение от пророка. Отец и мать Айни умерли во время эпидемии в 1889 году, когда ему едва исполнилось одиннадцать лет. После их смерти осталось четверо сыновей. Оставив младших братьев у бабушки с дедушкой, он в 1890 году приехал в Бухару. Потянулись долгие годы учения, сопровождаемые тяжелыми лишениями. Чтобы обеспечить себя материально, пятнадцатилетний подросток вынужден был выполнять обязанности повара у старших учеников медресе, домашнего слуги, подметальщика, писца, репетитора. Но никакие лишения и невзгоды не могли заглушить в юноше жажду знаний. То, что не входило в официальный курс наук, преподававшихся в бухарских медресе, Айни дополнял самообразованием.

Постепенно кругозор его расширялся. Проводя много времени за книгами, он хорошо изучил классических поэтов. Будучи от природы любознательным человеком, Айни пристально вглядывался в окружающий его мир.

После русской революции 1905 года, под влиянием развития школьного образования в Русском Туркестане – Ташкенте, Самарканде и других городах Средней Азии – и в Бухаре в 1906-1907 гг. татары открыли новую школу, где обучали грамоте. Желая облегчить таджикским детям учение Айни поступил в эту школу переводчиком. Спустя шесть месяцев он вместе с Мирзо-Абдулвохидом самостоятельно открыл школу.

Репрессии и преследования бухарских властей и духовенства уже не могли остановить ширившееся демократическое движение. В Бухаре появляются первые журналы и газеты. В борьбе против прогрессивных сил эмирское правительство все чаще прибегает к обыскам и арестам. Чтение газет рассматривается едва ли не как признак неблагонадежности. В автобиографии Айни описывает, как он был вызван к купбеги и как тот запретил ему читать газеты.

9 апреля 1917 года в Бухаре начался погром, сотни людей явились

жертвами провокации. В их числе был и Айни, которого подвергли зверскому истязанию – наказанию 75 палочными ударами, после чего он, окровавленный и измученный, был брошен в «обхону» - тюрьму в проходе в эмирскую цитидель. «У городских ворот Кавола, на площади перед станцией ветки Каган-Бухара, по которой в те годы ходила только «кукушка», стояло в шеренгах несколько солдат. Здесь состоялся митинг. Друг за другом выступали солдаты. Они обещали отомстить за нас эмиру. Развевалось красное знамя. Я стоял под ним, и двое солдат поддерживали меня под руки. И я, не то что не заплакавший, но даже не охнувший под семьдесятю пятью палками эмира, здесь не смог удержать слез. Это были слезы радости, о которых раньше я читал только в книгах, но которые теперь ощутил на глазах у себя самого, » - напишет потом Айни в «Воспоминаниях».

Выписавшись из больницы, он уехал в Самарканд. Начиная с 1924 года Айни всецело отдается литературной деятельности.

Еще в годы учения в медресе Айни начал писать стихи. В 1918 году он пишет на мотив «Марсельезы» «Марш свободы»:

*Мы расеем унынье и горе,
Мы неправду развеем как дым.
Во всемирном безмерном просторе
Справедливость навек утвердим.*

*Отныне свобода свободна от пут.
Отмиенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Свободный труд!..*

Таджикская литература до Айни не знала жанра художественной реалистической прозы. На протяжении многих сотен лет в ней, так же как и в персидской литературе, преобладала поэзия, областью же прозы были научные сочинения, дневники путешествий («сафар-наме»), исторические хроники, мемуары, деловые документы, частная переписка. Вот здесь-то и сказалась роль Айни как создателя не только художественной прозы, но и необходимых для нее изобразительных средств, прежде всего качественно нового литературного таджикского языка.

В повести «Одина» Айни уже выступал как реформатор языка. Писатель Сатым Улуг-Заде свидетельствует, что в овладении литературным языком эта повесть оказала большую помощь молодым таджикам и что, читая ее, они впервые наслаждались чистым литературным языком таджикской прозы.

В романе «Дохунда» Айни выступает уже зрелым мастером. В памяти

читателя надолго остаются чудесные горные пейзажи, сцены сельской жизни, описание свадьбы, похорон, а также картины тяжелого труда, бессовестной эксплуатации сельскими богатеями батраков, разорения крестьянства. С большим мастерством обрисованы автором образы и характеры бедняка Бозора, его сына Едгора, смелой горянки Гульнор, жадного Азим-Шоха и др. Роман дает нам возможность расширить свои познания о феодальной дореволюционной Бухаре.

В 1935 году выходит крупнейшее произведение Айни – «**Рабь**», исторический роман в пяти частях. Отдельные части этого романа были сначала написаны и напечатаны на узбекском языке (Айни одинаково владел и таджикским и узбекским языками и некоторые свои произведения писал на обоих языках).

Крупный ученый – историк литературы, поэт и журналист, зачинатель таджикской художественной реалистической прозы и ее самый яркий представитель, Садриддин Айни на склоне лет приступил к написанию мемуаров. В своих «**Воспоминаниях**» писатель воскрешает образы давно ушедших людей, события тех лет, картины сельской и городской жизни на грани двух веков. Уже эпиграф, предпосланный автором к своим «Воспоминаниям», вводит читателя в атмосферу книги и описываемых в ней событий:

*Этот дом я из старых возвел кирпичей,
Пир устроил я в нем в честь ушедших друзей,
Чтобы все современники наши узнали,
Как провел я дни юности ранней моей...*

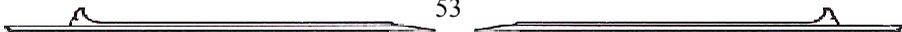
В «Воспоминаниях» Айни впервые в художественной литературе дана грандиозная по масштабам картина общественной жизни эмирской Бухары. Его заслуга в том, что он раскрыл многие стороны бухарского быта, которые, несмотря на то, что о Бухаре было написано немало, оставались совершенно неизвестными.

Представляем некоторые отрывки из этого произведения:

(...)

Приехал из Бухары Сайид-Акбар. Я стал учиться у него письму. По обыкновению учителей каллиграфии, он на листке бумаги изобразил несколько больших арабских букв, и я должен был упражняться в красивом и четком их переписывании.

Никогда прежде мне не приходилось писать, дрожащей рукой я взял перо и стал переписывать буквы на листке бумаги. Эти буквы были такие кривые и косые, такие уродливые, что напоминали скорее не упражнение в каллиграфии, а разбрызганные по бумаге чернила.

Наступил день, когда занятия подошли к концу и я мог осуществить свою главную цель – записать интересовавшие меня стихи. Но я так плохо написал, что прочесть их, кроме меня, никто не мог, да и я сам спустя несколько дней был не в силах разобрать то, что написал. Потом в течение долгих лет мне пришлось много писать и почерк мой улучшился, но остался все же очень некрасивым...

(...)

В месяц рамазан все лавки, торговые склады, чайные, харчевни и парикмахерские были открыты до полуночи. Люди ночью покупали все товары, кроме съестных.

В торговых рядах, на базарах, в чайных певцы распевали песни, а в некоторых местах рассказывали сказки и легенды. Эти народные собрания называли «ночным базаром».

На улицах за делом и без дела толпился народ. Здесь не запрещалось гулять даже после закрытия ночного базара, т.е. после полуночи. Жители Бухары, в течение одиннадцати месяцев в году от времени последнего намаза (т.е. через полтора часа после захода солнца) до предрассветного намаза (т.е. до времени, когда до восхода солнца оставалось полтора часа) не смевшие выходить на улицу и осужденные сидеть дома, считали великим благом эту возможность свободно ходить по улицам ночью. Поэтому-то большинство людей в эту пору слонялось по улицам.

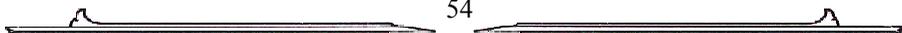
(...)

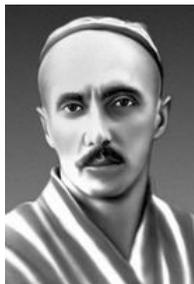
После Бухарской революции однажды в месяц рамазан я попал в Бухару. На площади Ляби-хаузи-Девон-беги рамазан все еще праздновался с прежней пышностью. Только исчезли Раис и его люди, наказывавшие народ. Однажды перед вечером я прогуливался возле дервишской обители Девон-беги. Среди гуляющих находился некто Аллоуддин, бывший служащий раиса, в свое время ходивший с плетью. Один мальчик лет девяти-десяти, обернувшись к нему и отступая назад, спросил:

- Дядя Ишан, где же ваша плеть? Почему вы теперь не бьете людей? А что, если вы и сейчас кого-нибудь накажете? Ну-ка, я погляжу, как вы будете бить! – Так он потешался над человеком, прежде носившим плеть, а народ смеялся.

Этот поступок ребенка выражал настроения всего бухарского люда.

(...)

Хамза

Хамза Хакимзаде Ниязи (1889 – 1929) - узбекский поэт, драматург, общественный деятель родился 22 февраля (6 марта) 1889 года в кишлаке Шахимардан, впоследствии город Хамза Ферганской области в семье лекаря.

Учился в мектебе, затем в медресе. Организовав бесплатную школу для бедноты, преподавал в ней. Стихи начал писать с 1899 г. под влиянием творчества узбекских просветителей Мукими и Фурката. Основное произведение дореволюционного творчества Хамза Хакимзаде Ниязи, рукописный стихотворный **«Диван»** на узбекском и таджикском языках, был опубликован посмертно. В некоторых газетях **«Дивана»** наряду с традиционными образами неразделённой любви присутствуют мотивы обличения социального неравенства, защиты науки и просвещения. Этими же мотивами проникнуты и первые опубликованные произведения Хамза Хакимзаде Ниязи: стих. **«Рамазан»**, повесть **«Новое счастье»**, пьеса **«Отравленная жизнь»**. В 1916—1919 гг. Хамза Хакимзаде Ниязи выпустил семь сборников стихов, отразивших переход поэта с позиций революционно-демократического просветительства на позиции революционной борьбы. Стихи, включенные в сборнике **«Душистая роза»**, стали первыми образцами пролетарской поэзии на узбекском языке.

После Октябрьской революции 1917 г. Хамза Хакимзаде Ниязи учительствовал в Коканде и Фергане, организовал передвижную театральную труппу, обслуживавшую части Красной Армии на Туркестанском фронте, работал сотрудником Политотдела Туркфронта, а позже — Облполитпросвета. В 1918 г. он создал пьесу **«Бай и батрак»**, ставшую первым произведением узбекской советской драматургии. Популярностью пользуются пьесы Хамза Хакимзаде Ниязи **«Проделки Майсары»** и **«Тайны паранджи»**, в которых говорится о тяжёлой доле узбекских женщин в дореволюционные годы. Ему принадлежит несколько десятков песен. Собирая в различных районах Узбекистана народные песни, исполнял их на национальных инструментах. Из музыкального наследия Хамза Хакимзаде Ниязи уцелело не всё. Некоторые его мелодии вошли в сборнике **«Песни Ферганы, Бухары и Хивы»**; часть песен записана от известных узбекских певцов. Хамза Хакимзаде Ниязи вёл разнообразную общественную работу, боролся за раскрепощение женщин, разоблачал действия националистов и реакционного духовенства. Хамза Хакимзаде Ниязи был убит разъярённой толпой религиозных фанатиков.

Хамза Хакимзаде Ниязи — основоположник литературы реализма на узбекском языке. Он обогатил классическую поэтическую метрику (аруз) за счёт форм народного стиха (бармак). Хамза Хакимзаде Ниязи оставил заметный след в истории развития социалистической культуры Узбекистана не только как поэт и драматург, но и как театральный деятель, композитор и музыкант. Имя его присвоено Узбекскому государственному академическому театру драмы.

ЧЕРЕПАХА и СКОРПИОН

*Выбрала в друзья во время оно
Черепаша злого скорпиона.*

*В путь пошли, стянув ремни потуже,
Скорпион с подругой неуклюжей.*

*Хвастаться он начал перед нею:
"Я любезней всех и всех вернее.*

*Нашей дружбе предан я всецело,
Связаны мы, как душа и тело".*

*До реки добрались оба друга.
Скорпион затрясся от испуга.*

*"Плавать,- говорит,- я не умею,
А в разлуке с горя захирею".*

*"Что ж, садись на черепашью спину,
Я тебя в несчастье не покину!"*

*Сел на черепаху скорпион,
А кругом вода со всех сторон.*

*Выпустил он жало и с размаху
Поразить собрался черепаху.*

*Черепаша так и задрожала:
"Для чего ж ты выпускаешь жало?"*

Отвечает скорпион: "Мне надо

Выпустить наружу каплю яда.

*Хоть и велика твоя услуга,
Но тебя ужалю я, подруга!"*

*II сказала черепаха скорпиону:
"Поступаешь ты не по закону.*

*Ты за дружбу платишь мне враждою,
Но тебе вражда грозит бедою".*

*Отвечает скорпион со злобой:
"Обещал я верным быть до гроба*

*II дождусь, исполнив обещанье,
Твоего последнего дыханья!"*

*Так бы и пропала черепаха,
Да вытянула голову от страха,*

*А потом нырнула в глубину,
II пошел дружок ее ко дну...*

*А мораль такая этой басни:
Вероломный друг врага опасней.*

Перевод С.Маршака

ПЕРЕДАЙ ПРИВЕТ

*О, если увидишь отчизну, земляк,
Отцу дорогому привет передай.
II матери, коль она выйдет к тебе
Навстречу из дома, привет передай.*

*Сестре, что проплакала звезды-глаза
В тоске по родному, привет передай.*

*Ребяческий лоб поцелуй за меня,
Братишке меньшому привет передай.*

Соседям, знакомым, кто стар и кто мал,

И каждому дому привет передай.

*Скажи моей матери: сын твой здоров,
Скажи ей: вернется он, слез не роняй.*

*Скажи ей: разлуки тоску подави,
Любимого сына домой поджидай.*

*Чем сможешь, моей ты семье помоги,
Несчастную мать мою не покидай.*

*А если услышишь о смерти моей,
Прошу тебя, черное не надевай.*

*Коль кто-нибудь черную весть принесет
Скажи, что неправда, семью утешай.*

*...Товарищам, сверстникам добрым моим,
Надеждою светлой сердца оживляй.*

*Приедет, скажи, невредим и здоров.
Вернется товарищ в родимый свой край.*

*Приедет, когда возвратится весна,
Сады зацветут и запенится сай.*

*Прошу тебя, души любимых людей
Ты черной кручины клеймом не терзай.*

*Назвав всех по имени, каждому ты
На родине дальней привет передай.*

«Восточный» Мирзо Турсун-заде

*Мой трудный век – я сын твой, а не гость.
Меня растил ты и учил сурово.
И если виноградник – ты, я – гроздь,
Ты – песнопенье, я же – только слово.*

Мирзо Турсун-заде

Мирзо Турсун-заде родился 2 мая 1911 года в «ладонях Азии» -

Гиссарской долине на берегу горной речки Каратаг. Его отец Усто Турсун был одаренным человеком и, как все ремесленники, едва сводил концы с концами. Но несмотря на это Усто Турсун очень хотел, чтобы его сын был грамотным человеком. Некоторое время маленький Мирзо учился у муллы. После победы Великой Октябрьской революции открылась дверь счастья и просвещения перед детьми бедняков, и в Каратаге появилась первая советская школа. Мирзо стал первым из ее учеников. В 1925-1926 гг. он учился в интернате города Душанбе. К 1930 году Мирзо Турсун-Заде получил высшее образование в Таджикском институте про-

свещения города Ташкента

Мирзо Турсун-заде был видным государственным и общественным деятелем, депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК Компартии Таджикистана, председателем Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки, членом Советского Комитета защиты мира, членом Всесоюзного Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры, председателем Таджикского республиканского Комитета защиты мира, председателем Комитета по присуждению Государственных премий Таджикской ССР им. Рудаки, членом редколлегии библиотеки поэта издательства «Советский писатель» и 200-томной библиотеки мировой литературы, членом Главной редколлегии Таджикской советской энциклопедии.

Мирзо Турсун-Заде — лауреат Государственной премии СССР (1948), лауреат Ленинской премии (1960), действительный член Академии наук Таджикской ССР (с 1951 г.), народный поэт Таджикистана (1961), лауреат Государственной премии Таджикской ССР имени Рудаки (1963), лауреат Международной премии Неру (1967), лауреат премии Ленинского комсомола Таджикистана (1971). В 1967 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом октябрьской революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», многочисленными медалями, в том числе и иностранными.

Лучшие страницы своего творчества Мирзо Турсун-Заде посвятил Родине и своему народу. За заслуги перед Отечеством ему была присвоена Государственная и Ленинская премии СССР, звание Героя Социалистического труда и другие государственные награды. В 2001 году Мирзо Турсун-Заде присвоено звание народный герой Таджикистана. По решению ЮНЕСКО 90-летие Мирзо Турсун-Заде праздновалось в Таджикистане и во всем мире.

Имя Мирзо-Турсун-заде, литературная деятельность которого началась в 1930-е годы, вписано в историю не одной таджикской, но и всей многонациональной российской поэзии. Особенно широко известным его имя стало в последующие десятилетия, когда к Мирзо, лауреату Ленинской премии, Государственных премий СССР и Таджикистана, депутату Верховного Совета СССР, председателю Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, пришла подлинная всенародная слава. Особый резонанс эта слава имела на Востоке, ведь Мирзо был поистине «голосом советской Азии».

Юноша из кишлака Каратаг, что в Гиссарской долине, жадный до знаний, интенсивно постигающий новую, советскую действительность, участник становления первых гиссарских и вахшских колхозов, комсомолец-активист, а еще молодой поэт – вот начало пути Мирзо в большую литературу, в большую жизнь.

*Когда из Душанбе ты выйдешь на простор,
То встретишься с грядой Гиссарских гор,
С которых реки мчат во весь опор.
Вершины гор касаются небес,
А склоны их покрыл олений лес.*

Традиционен у Мирзо образ шумливо-быстрой реки. Он близок сердцу поэта-гиссарца, восточного поэта. Образ быстротекущего потока в стихах поэта олицетворяет вовсе не жизнь преходящую, исчезающую, – рожденный матерью-горой поток этот «друг поэту», новому поэту нового Востока.

Горная река

*У реки, где гул стоит все дни,
Я нашел пристанище в тени.*

*Мчатся сверху волны, как обвал,
Разбиваясь в пыль у темных скал!*

*То она – как барс перед прыжком,
То вскипает пенным молоком.*

*В мерный гул свивается струя.
В шумме ветра слышу радость я.*

*За стихом пишу я новый стих –
Ветер отшлифовывает их.*

*Говорю реке: «О, здравствуй, друг,
Ждут тебя сады, поля и луг.*

*Ты – то туча, то роса, то дождь.
Миру бескорыстно свет несешь.*

*Трещины, что сделал суховой,
Ниткою серебряной зашей.*

*В степь пришла бессмертная вода –
Вновь земля таджиков молода.*

*Ведь впервые ты за тыщи лет
Принесла в жилища наши свет.*

*Силу всю и света и тепла
Ты стране в подарок принесла».*

Душевно необходима человеку дорога, и путешествие, чуть ли не всю жизнь свершаемое, необходимо поэту как источник познания и переживания. Этот мотив дороги у Мирзо Турсун-заде в лирике настойчиво повторяется и варьируется, и с годами он, все более лирично «биографизируясь», нарастает. Все тот же мотив движения, выраженный нередко публицистически-очерково, нередко же в ключе историко-литературной фактологии, обращает на себя внимание и в литературно-критических работах поэта. В статье о своем друге Николае Тихонове «Русская душа», восхищенный творчеством неутомонного замечательного поэта-путешественника, Мирзо-литературовед, критик вспоминает и о «хаджах» – странствиях великих поэтов Востока. Не в Мекку и Медину – медлительных, раз в жизни предпринимавшихся во имя приобщения к мусульманским святыням и горделиво-бездеятельного ношения впоследствии титула хаджи, а «хаджах» - странствиях «в народ», как то делал в течение тридцати лет великий Саади, например, чтобы познать мудрость и святость народной жизни, собрать то, что потом вошло в бессмертные его «Бустан» и «Гулистан». Это тоже традиция Востока – вникать в человеческую жизнь любопытствующим взором и сострадающим сердцем путника. Эту традицию ценит, любит, развивает Мирзо Турсун-заде.

Публицистичность вообще была свойственна поэзии Мирзо, его человеческой устремленности, складу его личности. Он почти всегда обращается к читателям как к слушателям, обосновывая, возвышая свою основную посылку. Он и себя убеждает – так строится множество стихов лирического плана: обращение к себе, разговор с собой.

У Мирзо особая выразительность стиха состояла в соединении одической обобщенности (оды, укорененной в законах меняющейся жизни) и конкретной реалистичной картинности, детализации: в «прикрепленности» рассказываемого, воспеваемого к конкретному месту, событию, собственному опыту, картине и детали, лично увиденным и пережитым. Такая «двуплановость» стиха Мирзо вырабатывалась им на протяжении всего его творчества. На современный взгляд в творчестве 1930-х годов это соединение кажется несколько наивным, но с годами творческий опыт поэта накапливался и сплавлялся в мастерство эстетически-целостного лиризма, высокого по мысли и чувству и в то же время сердечного, душевного, очень личного. **«Материнские руки», «Воспоминания юности», «По стиху скучаю...», «Что же делать мне?», «Горячий скакун мой пурпуровой масти...», поэма-цикл «Дорогая моя»** – эти произведения поистине доказывают глубокое родство публицистического и лирического слова, их поэтическую слиянность. И в сюжетной поэме **«Хасан-арбакеш»**, поэме большого, эпического смысла, отражено то же самое, что и в поздней, большого размаха лирике Мирзо, стремление соединить жизненную конкретность судьбы, публицистическую высоту взгляда на закономерности свершающегося и личную, прямо биографическую приобщенность автора к тому, о чем он взялся поведать читателям.

Материнские руки

*Теми руками, что на ветру
Смело сожгла ты позора чадру,*

*Теми, какими от счастья смела,
Славы нетленный костер разожгла,*

*Теми руками, что пестуют сад,
Сад, где струится цветов аромат,*

*Теми руками, что строят очаг,
Теми руками планета в лесах.*

*...Теми, какими в объятья брала,
на ноги встать навсегда помогла.*

*Теми руками, что тоньше струи,
Мать утирала ведь слезы мои.*

*В дали отправь нас во имя любви,
В путь и на подвиги благослови!*

В традициях поэзии Востока поэтическое слово брало на себя функции этико-философского трактата, и педагогического назидания, и суждения о той или иной актуальной проблеме, и, порою, функцию оперативного отклика на событие, то есть, говоря современным языком, многообразные публицистические функции. Мирзо Турсун-заде не только не рвет, но вместе с другими поэтами нового Востока, например, с С. Айни, А. Лахути, Г. Гулямом, Н. Хикметом, Фаизом Ахмадом Фаизом, развивает эту традицию, используя и творческий опыт невосточных своих предшественников и современников, Владимира Маяковского, Николая Тихонова, Владимира Луговского, Миколу Бажана, Самеда Вургуну.

Мирзо хотел выработать в себе и выработал поэтическую индивидуальность, что вовсе не мешало ему быть поэтом определенного – «маяковского» – типа. Даже в неофициальных дружеских разговорах он называл себя «певцом нового Таджикистана», «сыном Востока». Мирзо Турсун-заде восточен каждой своей темой (даже и не «восточной»), каждым мотивом. Он восточен каждой строкой и одновременно всей своей образной системой, внутри которой каждая строка, каждая образ-метафора, каждое сравнение вырастает с естественностью неповторимого побега на крепком, жизненном стволе. Могучие ветви на нем – это традиционные, из вековых глубин, из народно-фольклорных и разработанных классиками почв выросшие образы-символы, например, весны, света, огня. Это любимые образы и у Мирзо. В их отблесках – все остальные его образы-тропы. Традиционная образность всегда жива и цветет естественно-здоровой восточной пышностью.

*... II все сердца бери в полон
Развей, весна, над головами
 туман опять,
Разлей, красна, блеснув травами,
 ты благодать.
Разбей на гребнях гор кольчуги
 седого льда,
Развей бежит пусть по округе
 твоя вода.
Дари травинки и тюльпаны
 тем, кто влюблен,
Тори тропинки под каштаны
 забывшим сон
II раствори все окна настесь,
II все сердца бери в полон!*

Поэту

*Скажи, мой друг,
Знаком ли ты с огнем?
В нем дар души, и труд поэта в нем...
В огне железо плавится и сталь.
Огонь велик. В нем целой жизни даль.
Когда б у солнца не было огня,
Сковало б землю холода броня...
Когда бы сердцу не гореть огнем,
Откуда б взялся наш очаг и дом?*

*Нет без тепла ни сада, ни цветов,
Нет без тепла ни хлеба, ни плодов.*

*Улыбка не созреет без тепла,
И зубы не алеют без тепла,
И радость не родится без тепла,
И счастьем не явиться без тепла...*

*Гореть не бойся, дорогой поэт.
С любимой встречи без горенья нет.
Не возгорись — не придет строка.
К сердцам людей дорога нелегка.
Стих должен биться, что огонь в печи, -
Иначе не зажгут его лучи
Сердца влюбленных, не согреют кров —
Уйдет в песок поток холодных слов...*

*Гори, поэт! Тогда твой трудный труд —
Стихи твои пути к сердцам найдет —
Горячие сердца превознесут,
Сердцам холодным теплоту дадут.
Гори, поэт. Огонь души велик.
Он для людей — живой воды родник...
Скажи, мой друг,
Знаком ли ты с огнем?
В нем жар души, и труд поэта в нем...*

То же можно сказать и о традиционном на Востоке, любимом, многократно и многосмысленно применяемом в поэзии Мирзо образе-символе «текущей воды», «реки», «потока» (жизни, судьбы, чувства).

Песня реки

*Горная река, поешь, сердцу вторя средь камней,
Ты созвучия нашла голосу души моей,
Ты пускаешься плясать — и полна волненья грудь.
Знаешь, что моя душа мучится уж столько дней?*

*Ты — родник, который вдруг голубым фонтаном стал.
Сель, слезой гранита ты, злым и беспрестанным стал.
Родником ты был в горах, стал ручьем ты, стал рекой.
Ты — зеница глаз моих, светом их желанным стал.*

Николай Тихонов писал о том, что стихи Мирзо Турсун-заде «как горные ручьи, шумя и сверкая, превратились в могучую горную реку, которая вышла на широкий земной простор, радуя всех, кто чувствует силу и прелесть поэзии».

Еще о горной реке

*Несется горная река, не думая, летит куда,
В своем стремлении вперед не оглянется никогда.
Благодаря ей степь цветет, преобразаются сады,
И с морем связана рекой крутая горная гряда.*

*Река, она свой путь взяла с вершин, где стылые ветра,
Трав разноцветье, вязь цветов приносит, полна добра.
Неугомонна, и быстра, и шаловлива, как дитя, —
За нею крепко мать стоит — в сединах белая гора.*

Литература Таджикистана и Узбекистана сегодня

Традиционно проходящий в Переделкине и организованный журналом «Дружба народов» семинар, в рамках которого проходят круглые столы, посвященные процессам в современной литературе, мастер-классы для переводчиков из стран СНГ и Балтии и другие мероприятия, собирает писателей из независимых государств — бывших союзных республик и российских автономий. В четвертом номере журнала «Дружба народов» за 2007 год в рубрике «Критика» под заголовком «Литературные журналы — реальность и перспективы» представлен отчет о переделкинской встрече, прошедшей в декабре 2006 года, темой

которой стала судьба литературных журналов. Принимавшие участие в семинаре главные редакторы ведущих литературных журналов (в основном русскоязычных, но не только) из СНГ и республик Российской Федерации говорили о роли и месте литературных журналов в современной культуре, о своем адресате – читателе. Также были затронуты темы «Журнал – Интернет – книжное издательство: сотрудничество или конкуренция?» и «Публицистика и критика в литературном журнале». Участники семинара из Чеченской Республики, Республики Коми, Казахстана, Украины, Удмуртской Республики, Узбекистана, Белоруссии, Северной Осетии – Алании поделились своими размышлениями по теме «Журнал в мультинациональном обществе» и рассказали о важных литературных событиях последних лет, произошедших в своей стране или республике.

Соучредитель альманаха «Малый шелковый путь» (Узбекистан) Вадим Муратханов выступил с докладом и охарактеризовал литературную ситуацию в Узбекистане последних лет. К концу 1990-х гг. в русскоязычной литературе Ташкента возникла сложная ситуация. В 1996 году редакция журнала «Звезда Востока» во главе с Сабитом Мадалневым была распущена. Недовольство политикой журнала со стороны учредителей – Союза писателей республики – зрело давно. Учредители сетовали на то, что журнал ориентируется на западные литературные образцы и не дает ходу членам местной писательской организации, пишущим просто и доступно, в рамках реалистической традиции. В результате редакцию журнала возглавил Николай Красильников, и теперь уже писатели и поэты авангардного направления оказались отлучены от единственного в республике регулярного периодического литературного издания на русском языке. К 2001 году тираж «Звезды Востока» сократился до нескольких сот экземпляров, из-за финансовых проблем журнал стал выходить с перебоями. В 2002-2006 гг. предпринимались попытки реанимировать издание, но пока ни одна из них не достигла полноценного успеха. В то время как дела в узбекскоязычных журналах «Шарк юлдузи» и «Жахон адабиети» обстояли сравнительно благополучно, целая когорта писателей-профессионалов, пишущих на русском, лишилась выхода к читателю. Часть из них (поэты Ферганской школы, А. Файнберг, Сергей Спирихин, Санджар Янышев, Сухбат Афлатуни и другие) пользовалась некоторой известностью за пределами Узбекистана и время от времени попадала на страницы зарубежных изданий, в том числе российских, большинство же писали в стол. Появившийся альманах «Малый шелковый путь» сначала взял на себя роль литературного издания, альтернативного официальному республиканскому, а затем – в какой-то мере – занял нишу, опустевшую после заката «Звезды Востока».

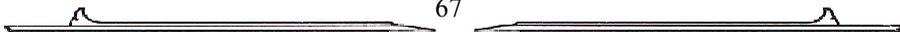
История альманаха «Малый шелковый путь» берет свое начало в 1999 году. Трое ташкентских поэтов, объединенные общностью художественных взглядов, объявили о существовании Ташкентской поэтической школы и решили выпустить свои стихи под одной обложкой. Книга вышла фактически на правах рукописи, тиражом 90 экземпляров. Спустя некоторое время ее авторы – Санджар Янышев, Сухбат Афлатуни, Вадим Муратханов – сочли возможным развить начатое, уже в качестве составителей. Во втором выпуске «Малого шелкового пути» (тираж 500 экземпляров) в 2001 году увидели свет стихи, проза и эссе около 20 авторов. В 2002, 2003 и 2004 годах в Москве и Ташкенте были выпущены еще три номера альманаха. В общей сложности в пять книг вошли тексты 60 авторов, представлявших, помимо Узбекистана, Россию, Польшу, Казахстан, Кыргызстан.

Для многих начинающих литераторов попадание на страницы «Малого шелкового пути» было первой публикацией в профессиональном литературном издании. Некоторые из них вскоре стали лауреатами престижных премий, нередко именно за те произведения, которые в сокращении впервые публиковались в «Малом шелковом пути»: 2001 – Санджар Янышев, малый «Триумф»; 2002 – Сергей Спирихин, премия Андрея Белого; 2004 – Александр Грищенко, «Дебют»; 2005 – Влад Соколовский, лауреат 6-го Фестиваля молодых литераторов Израиля; Сухбат Афлатуни, «Русская премия»; 2006 – Сухбат Афлатуни, малый «Триумф».

На протяжении пяти выпусков авторам удалось сохранить концептуальное и стилевое единство альманаха. Каждый из троих составителей, работавших над проектом, не только привносил в него свои идеи, но и привлекал определенных авторов, обогащавших общую палитру. К сотрудничеству были привлечены поэты и художники, покинувшие Среднюю Азию, но не потерявшие интереса к протекающим в ее литературе процессам. Авторами альманаха стали Тимур Зульфикаров, Миханл Синельников, Хамид Исмаилов, Сергей Спирихин, Григорий Коэлет.

«Малый шелковый путь» решал сразу две задачи: связывал местную литературу Узбекистана с его литературной эмиграцией, писательской средой соседних республик и литературным процессом в России – и, с другой стороны, открывал новую литературу Узбекистана российскому читателю, до которого в постсоветский период доходила весьма скудная информация об оказавшейся в культурной изоляции азиатской окраине бывшего Союза.

Значимым следствием издания «Малого шелкового пути» и развивавшегося параллельно с ним проекта Ташкентского открытого фестиваля поэзии стала активизация творческих контактов между литераторами и

издательской деятельности в Ташкенте. В 2003-2004 годах под редакцией Рифата Гумерова вышло два выпуска альманаха «Арк». В 2004-2006 годах молодой поэт Виктория Осадченко выпустила альманах «Сегодня», где дала слово начинающим прозаикам и поэтам. Журнал православной епархии Ташкента и Средней Азии «Восток свыше» (под редакцией Алексея Устименко) давно переступил рамки сугубо духовного издания.

В 2007 году составители «Малого шелкового пути» объявили о завершении проекта альманаха в его нынешнем виде. Однако по итогам последних двух Ташкентских открытых фестивалей поэзии (этот проект развивался в содружестве с ташкентским музеем Есенина) стало очевидно, что в литературе Узбекистана обозначились имена новых интересных авторов, чьи произведения могли бы лечь в основу новых печатных и электронных изданий, продолжающих линию «Малого шелкового пути». Другое перспективное направление – расширение контактов между узбекско- и русскоязычными авторами в сфере художественного перевода. С начала 1990-х годов эта работа заглохла, даже одноименные узбекскоязычная «Шарк юлдузи» и русскоязычная «Звезда Востока» утратили контакт между собой. В заключение своего выступления Вадим Муратханов отметил, что в данный момент взаимонаправленный интерес представителей разноязычных литератур существует и находит воплощение в отдельных проектах.

Сухбат Афлатуни

Литература – именно возведение языковых башен. Беспольных, обреченных на разрушение башен в синюю пустоту. И это, по-моему, совсем не плохо – лепить свою башню.

Сухбат Афлатуни

22 января 2007 года в московском Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина прошла пятнадцатая церемония вручения российской независимой премии в области искусств «Триумф». По словам художественного координатора проекта, писательницы Зои Богуславской, премия «Триумф» присуждается людям, перешагнувшим границы любой славы. Тем не менее вручается она не только всемирно известным, но и начинающим мастерам культуры. Молодых «триумфаторов» было девятнадцать, среди них – Евгений Абдуллаев из Ташкента, более известный любителям литературы под именем Сухбат

Афлатуни. В феврале 2006 года он уже становился победителем литературного конкурса «Русская премия» за произведение «Ташкентский роман».

Сухбат Афлатуни – литературный псевдоним Евгения Абдуллаева, филолога, преподавателя логики, одного из авторов первого выпуска поэтической антологии «Малый шелковый путь», обозначающий в прикритическом переводе «Диалоги Платона». Сухбат Афлатуни родился в 1971 г. в Намангане (Узбекистан). С 1978 г. он живет в Ташкенте. Публиковал стихи и прозу в журналах «Октябрь», «Арион», «Новая Юность», «Замысел», «Звезда Востока», «Знамя», «Дружба народов», во втором и третьем номерах которого был опубликован его роман «Лотерея «Справедливость».

Сухбат Афлатуни стремится вернуть Ташкент в контекст русской литературы.

Предлагаем вашему вниманию некоторые отрывки из романа Сухбата Афлатуни «Лотерея «Справедливость».

(...)

Ташкент - город объявлений. Маленькие, юркие бумажки. Город шелушится их чешуйками.

Им не хватает места в газетах, и они лепятся на фонарные столбы и двери подъездов. Оседают желватым налетом на стенках остановок. На растрескавшихся внутренностях телефонных будок. Везде. Везде.

Они заражают людей, и те становятся носителями вирусов. В подземных переходах они распространяют свои вирусы в виде маленьких белых листиков. Мученики капитализма. Вежливы, выглажены, всем надоели.

(...)

Ташкент – словарь тысячи русских фамилий.

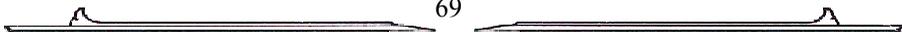
Алекс идет сквозь толпу фамилий. Лужины, обхватив огромные грязные зеркала, валяются на дороге. Веткины летят по воздуху, задыхаясь от пылающего синего неба. Люди, поменявшие сегодня свои прежние фамилии на Солнцевых, Тепловых и Боттичелли, идут топами и топчут Лужиных. Дружно ломают Веткиных, Веткевичей и Веточкиных.

Прошел человек с фамилией Бахор.

Мальчишки-разносчики узбекско-русских словарей кричат: Бахор – Весна. Бахор – Весна! Человек уходит, балансируя своей фамилией, как подносом с рахат-лукумом. Алекс идет дальше.

(...)

Ташкент – город слухов. Маленькие горбатые бабочки. Город шелушится ими, как чешуйками кожи.

Их не пускают в газеты, гоняются за ними всей редакцией, пытаются прихлопнуть. Напрасно. Слухи собирают пыльцу с губ и опыляют кожанный цветок уха. Лепятся на столбы и двери. Оседают на стенках останков. На растрескавшихся внутренностях телефонных будок.

В отличие от объявлений, способных подниматься в небо и даже склеиваться в особое облако, слухи редко летают выше ртов и ушей. Их любимая высота – уровень бедер. Здесь они устраивают настоящие воздушные парады, выполняя на своих волосатых крыльях то бочку, то мертвую петлю.

(...)

Алексей Торк

Алексей Торк (настоящее имя – Алишер Ниязов) родился в 1970 году в Таджикистане, где и жил до последнего времени, работал в таджикских СМИ. С 1996 по 1999 год он был корреспондентом ИТАР—ТАСС в Киргизии, в 2000 году работал специальным корреспондентом программы “Вместе” (канал ОРТ), потом корреспондентом агентства РИА Новости в Киргизии и Казахстане. Освещал военные конфликты в Таджикистане и на юге Киргизии. Литературным творчеством Алексей Торк начал заниматься в 2000 году. Его первые литературные публикации: рассказ «Пенсия» и эссе «Полмиллиона снов о Бактрии» – появились в 2006 году в журнале «Дружба народов». В 2007 году в апрельском номере этого же журнала были напечатаны его рассказы «Джамшед Блистательный» и «Лухтак».

В настоящее время Алексей Торк живет в Бишкеке (Киргизия).

Предлагаем вашему вниманию отрывок из рассказа Алексея Торка «Джамшед Блистательный».

Благодарю тебя, читатель златоглазый, снисшедший до медных строк моих. Я расскажу грустную историю о блистательном Джамшеде, послушай ее... И если женщина ты – цветы неотцветающей весной до скорбного краха мироздания. Если мужчина – да не увидишь ты Ниссо на свадьбе в Кейбадиане! А увидишь – страсть, болезнь с тысячью имен, одно из которых – любовь, окровит сердце тебе, как окровила многим бывшим до тебя. Ибо говорю я, печальный Али ас-Афиф ибн Нурхон аль-Хиссори: спящая дева – спящая гибель, танцующая дева – танцующая гибель.

Ниссо, Ниссо – убийца сердец! Она летает в тесных проходах. Ничей глаз не успеет за шелковым вихрем. Она кружится подле музыкантов, заставляя их восхищенно воздевать к небу свои дудки с бубнами, и вот – уже нет ее там. Мгновение - и в рядах избранных гостей раздаются кри-

ки толстяков: Ниссо плетет-расплетает здесь ноги, стонет бадахшанским серебром. Отчаянная плоть всадника, уходящего от гибельной погони, горная река, бьющая в долину через пороги из удушающих теснин. Кррака-такатум, кррака-такатум, умри, умри, Кейбадиан! Сотни глоток давятся перепелами, десятки рук кидают ей под ноги бумажки и целые кошельки. О, нет, не нагнется, не посмотрит! Ее неистовые стопы отмечают их, как декабрьскую листву. Кидайте миллионы – никто не получит и взгляда кейбадианской танцовщицы Ниссо!

(...)

Сабит Мадалиев

*Я жил, как будто вечен. Птицы крик
успел услышать только и поник.
Бывало, в миг я вкладывал столетье,
но чаще век разменивал на миг.*

Сабит Мадалиев

Сабит Мамаджанович Мадалиев, узбекский поэт, прозаик и публицист, член Международной академии «Евразия», родился в 1949 году в казахстанском городе Джамбул (ныне – Тараз), служил в армии, учился на режиссерском отделении Ташкентского театрально-художественного института. В 1977 году он окончил литературный институт имени А.М. Горького в Москве, работал в Союзе писателей СССР консультантом по узбекской литературе.

Судьба Сабит Мадалиева была полна драматических коллизий. В начале 1990-х годов он стал редактором журнала «Звезда Востока» в короткий, но очень яркий период его расцвета. Именно он пригласил для сотрудничества в журнале Шампада Абдуллаева, Карима Егубаева и Даниила Кислова. За несколько лет в «Звезде Востока» были осуществлены публикации лучших произведений отечественных и зарубежных авторов, на долгие годы вперед определивших пути развития современной литературы Узбекистана.

После разгрома редакции в 1996 году по политическому доносу членов тогдашнего Союза писателей Сабит Мадалиева побывал в эмиграции, но вскоре вернулся на родину и занялся злободневной политической и социальной публицистикой, обратившись к наиболее острым проблемам не только своей страны, но и всей Центральной Азии.

В 2003 году по решению властей в Узбекистане была прекращена деятельность представительства Института Открытое Общество (Фонд Сороса), в работе которого Сабит Мадалиев до самого конца принимал

участие в качестве члена экспертного совета по программе "Искусство и культура".

Сабит Мадалиев – автор нескольких книг стихов («Время цветения персика», «Поющие пески», «Марафон», «Восхождение», «И полыхает солнце», «Июльский воздух опаляет дух», «Рубаи» и другие), последняя – «Окликнула душу печаль» (Москва, 2003), автор поэтического перевода сур Корана, ниспосланных в Мекке. В 2007 году в Америке была напечатана первая часть прозаической книги С. Мадалиева «Молчание суфия».

Сабит Мадалиев живет в Ташкенте, работает в строительной фирме.

10 июня 2004 года в Ташкенте в небольшом зале музея Есенина прошел поэтический вечер Сабита Мадалиева, на который собрался весь цвет творческой интеллигенции города. Член международной академии «Евразия», поэт, переводчик и публицист, автор десятка книг и сотен статей, Сабит Мадалиев, который остается любимцем художественной элиты Узбекистана на протяжении уже многих лет, познакомил аудиторию с новыми произведениями, созданными на русском языке в классическом жанре восточной поэзии – рубаи. Рубаи – традиционный жанр, прославленный именами титанов восточного Возрождения: Навои, Рудаки, Ибн Сины и Омара Хайяма. Сабит Мадалиев утверждает: «Восточная лирическая поэзия – это огнедышащая лава чувств, неистовый жар которой должен быть слегка умерен временем и разумом, чтобы не слепить глаза автору». Твердо придерживаясь его канонических форм, поэт, по собственному признанию, стремится наполнить четверостишия смыслом своей эпохи и переживаниями современного человека, затерявшегося между двумя веками, на рубеже цивилизаций. Тонкий знаток современной культуры и истории своего народа, автор оригинальных переводов сур из Корана, давно увлеченный философией суфизма, поэт считает, что именно рубаи лучше всего подходят для выражения атмосферы смутных времен, крушения и становления Империй, ожесточенной борьбы идеологий, отчаянных духовных поисков личностей и целых народов в сумраке исторических катаклизмов.

* * *

*Сижу я у остывшего тандыра –
под этим небом холодно и суро, -
впустил я в душу позднюю любовь,
а оказалось, все печали мира.*

* * *

*Лучше б смерть разлучила с тобою меня,
но разлука живых – страшнее огня,
это днем иступленное к ночи стремление,*

а потом в темноте — ожидание дня.

* * *

*Когда душа смятенная болит,
когда тебя несет поток обид, -
встань на молитву в тишине полночной,
и свет молитвы небо озарит.*

* * *

*Вдруг детство вспомнил, сидя над рекой,
там каждый день был рыбкой золотой,
мерцающей на чистом мелководье.
Как мало чистоты я взял с собой.*

* * *

*В бессмысленной погоне за судьбой
я здесь умру и проращу травой...
Все так же будет ветер говорить,
не повышая голоса со мной.*

Санджар Янышев

Санджар Янышев, поэт и прозаик-эссеист, родился в 1972 году и вырос в Ташкенте. В 1995 году по окончании факультета русской филологии Ташкентского университета он уехал в Москву. С 1991 года сначала появились его публикации на родине в журнале «Звезда Востока», с 1996 года — в России («Новый журнал», «Октябрь», «Знамя», «Арион», альманахах «Окрестности», сетевой журнал "TextOnly").

Санджар Янышев — автор множества статей для энциклопедических изданий, участник коллективных сборников эссе и стихов ("Персональная история" — Москва, 1999; "Малый Шелковый путь" — Ташкент, 1999).

Один из авторов и составителей поэтического альманаха "Малый Шелковый Путь - 2" - Москва, 2001. Первую неизданную книгу поэта "Зоография" составили стихи и циклы 1989-1995 гг. В 2000 году в Санкт-Петербурге увидела свет его вторая книга стихов — "Червь". Санджар Янышев также является автором книг стихов «Офорты Орфея» (2003), «Регулярный сад» (2005), «Природа» (2007)

Лауреат молодежной премии "Триумф" (2001).

В настоящее время Санджар Янышев живет в Москве.

*Поэту шахматы нужны, поэту
Необходимо четное число.
Чтоб не по ту каверну, а по эту
Ему внимал зеркальный часослов.*

*Чтобы его старухи, куклы, дети
Пугали, словно польге нули.
Но не по те, слепые, а по эти
Всевидящие органы земли.*

*Он смысл сольет в рукав.
И он силки наладит.
Внутри зеркал. Он ключ,
как мед, найдет в песке.
Он лабиринт как цирк
замкнет собою ради
Свободы умереть
на клетчатой доске.*

Два утешения

*Гори, моя листва. Бежи, моя строка.
Тебе, увь, не все едино, чья рука.
Терпи, совсем не боль. И лучшая финаль:
Когда опять пуста, когда чиста скрижаль.*

*Ведь на худой конец – сколь ни были темны –
Вот этот темный лес, вот эту Книгу мы
В таком порядке честь сумеем – и хранить, -
Какой запечатлен на уголках страниц.*

*Ведь цифра нас ведет логических загад –
Верней, чем эхолот. Смирней, чем талант.
И нет у этих тел иных, чем эти, души.
А ты всю жизнь был тем, к чему всю жизнь идешь.*

Алексей Устименко

Алексей Петрович Устименко, прозаик, поэт, сценарист, журналист, родился 15 октября 1948 г. в Новосибирске. Он окончил факультет журналистики ТашГУ. Работал в газетах «Комсомолец Узбекистана», «Пионерская правда», журналах «Звезда Востока»,

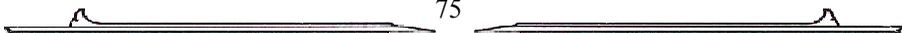
«Экологический Вестник», «Saida». С мая 2000 г. Алексей Устименко – редактор журнала «Восток свыше» и газеты «Слово жизни», член редакционного совета журнала «Общественное мнение. Права человека»; с 2006 г. – главный редактор литературно-художественного журнала «Звезда Востока»; автор сборника рассказов «Когда стреляют на перевале» (1988), повестей «За кольцами далекого Сатурна» (1989), «Догоняющий камень» (2002), «Тень победителя» (2002), романа «Странствующие в золотом мираже» (1994), публикаций в журналах «Звезда Востока», «Саида», «Новая Юность», «Иерусалимском журнале» (Израиль), альманахах «Молодость», «Малый шелковый путь» и других; участник 3-го, 4-го и 5-го Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2003, 2005, 2006). Его авторству принадлежат сценарии мультипликационных фильмов «Снежные мастера», «Помощники», «Ангел», «Так повелел падишах», «Новые приключения Синдбада», документальных фильмов «Дверь», «Караван Афанди», «По следам апостола Фомы», «Врата покаяния». Живет Алексей Устименко в Ташкенте.

Первой публикацией Алексея Устименко в мартовском номере журнала «Дружба народов» за 2008 год стал «Ташкентский роман» с подзаголовком «Литературная версия странной любви», посвященный исторической фигуре Великого князя Николая Константиновича Романова, которому, по мнению графини М. Клейнмихель, будущей источник скорее предоставит место в царстве легенд, чем в истории. При работе над материалом автором были использованы воспоминания академика М.Е. Масона «Ташкентский Великий князь», графини М. Клейнмихель «Великий князь Николай Константинович», начальника канцелярии Министерства Императорского Двора А. Мосолова «При дворе последнего Российского императора», М. Урманова «Великий князь – изгнанник», Л. Третьяковой «Изгнанник из рода Романовых», П. Кропоткина «Записки революционера», председателя Совета министров С.Ю. Витте «Воспоминания», А. Суворина «Дневник», а также материалы Государственного архива Республики Узбекистан. Стоит особо отметить, что орфография и пунктуация официальных документов, включенных автором в текст романа, сохранена в той мере, в какой они не затрудняют чтение современному читателю (буквы *ять*, *фита*, а также *и десятиричное* заменены соответствующими буквами современного алфавита).

Предлагаем вашему вниманию некоторые отрывки из «Ташкентского романа» Алексея Устименко.

(...)

Странная это фигура – ташкентский великий князь. В прошлое советское время, как, впрочем, и во всякое другое, стремящееся подтвер-

дить себя если и не переписыванием истории, то хотя бы оборачиванием фактов к себе лицом, лысоватая его фигура, как будто бы даже слегка поднималась на исторический щит. Ну, как же – своего рода диссидент, внутренняя оппозиция царствующему монархическому строю. В 1881-м, несчастном для России году, когда был убит император Александр II, не кто иной, как он, Николай Константинович Романов, сын некогда отдавшего власть Николаю Константину, наследника законного по старшинству, он, Николай Константинович, пребывая в Оренбург, грозился надеть все – отобранные! – свои ордена и выйти к народу, чтобы поднять бунт против воцаряющегося Александра III. Однажды он еще раз попробует осуществить нечто очень похожее.

– Большой сумасшедший царь? – скажет перед этим наследующий трон Александр и пожмет плечами. – Что подумают о России?..

Не эпатаж, а неприятие. Не кощунственная и не банальная кража, а романтическая история, в оправдание которой все средства хороши – вот лик Николая Константиновича, складываемый историками и общей молвой.

А если к этому образу добавить и дела, им совершенные уже в Ташкенте, дела вроде бы действительно благие? Ну, как же... Благоустроивал город – озеленял, особенно любимыми своими дубами, новые улицы и камнем замещивал их. По его указанию построен первый в Ташкенте водопровод. Набитые низкою публикою зашумели сначала два развлекательных кинотеатра – о высоком искусстве тогда речи не шло, – потом еще три. Карниз одного из них, памятной всем «Летней "Хивы"», выделали из полуторатысячи блестящих стальных клинков, некогда бывших боевыми штыками и пашками. Зато и тихой степенностью наполнились дома для ветеранов-туркестанцев, им тоже построенные, поддерживаемые сотысячным капиталом, выделенным на их ветеранские нужды.

(...)

А еще прежде того – Николай Константинович – почетный член Российского Императорского географического общества. Автор почти монографических научных работ: «О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги», «Аму и Узбой», «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим». Руководитель двух исследовательских экспедиций, опять же на его собственные средства в 1877-1878 годах исследующих туркестанский край.

Сырдарья и Амударья, Кызылкумы и Каракумы, Гиссарский хребет и горы другие, подчас еще безымянные...

А еще – библиотека в пять тысяч томов.

А еще – личные, все-таки вытребованные и привезенные в Ташкент

многочисленные коллекции картин и многого прочего.

Отодвинуть бы все прежде усвоенное. Отодвинуть, чтобы увидеть...

Возможно, жестокого человека сомнительной, мягко скажем, морали. Человека, загульно пьющего и небезопасными демонстрациями плюющего на мнение всех и вся. Человека ворующего, лжесвидетельствующего и берущего грех на душу постоянно повторяющимся обманом поверивших ему.

Или, возможно, больного, очень больного, неизлечимо больного человека.

Приложение: кроссворд

1. Шеститомная книга преданий и высказываний пророка Мухаммеда, составленная Абуабдуллою Мухаммедом ибн Исмаилом Бухари (811-870). К сборнику неоднократно писались комментарии, автором одного из которых является Бадриддин Махмуд ибн Ахмад (ум. в 1458 г.), известный под псевдонимом «Айни».

2. *Коль в полдень станет (...) настольным украшением –
Померкнет перед его красой полдневное светило.*

Это блюдо, которому посвятил свое стихотворение Ходжа Савдо, - гордость узбекской кухни. Готовят его, как правило, только мужчины.

3. Скатерть с угощениями

4. В переводе буквально – «одержимый», классический влюбленный герой поэм Низами, Навои, Фирдоуси.

5. Тростниковое перо; в поэзии – символ судьбы, предопределения, начертанного небесным пером на скрижалях.

6. Олень, в литературе – символ грациозности и проворности.

7. *В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали, -
Мы покорными стали. Не наша вина.
Кому принадлежат эти строки?*

8. Элегия.

9. Популярное четверостишие.

10. Короткое, преимущественно любовного содержания стихотворение, состоящее, как правило, из 7-12 двустиший с системой рифмовки *аа, ба, ва* и т.д.

11. Великий таджикский поэт, автор стихотворной эпопеи «Шахнаме».

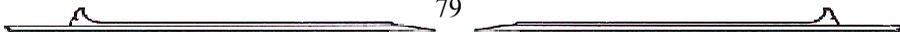
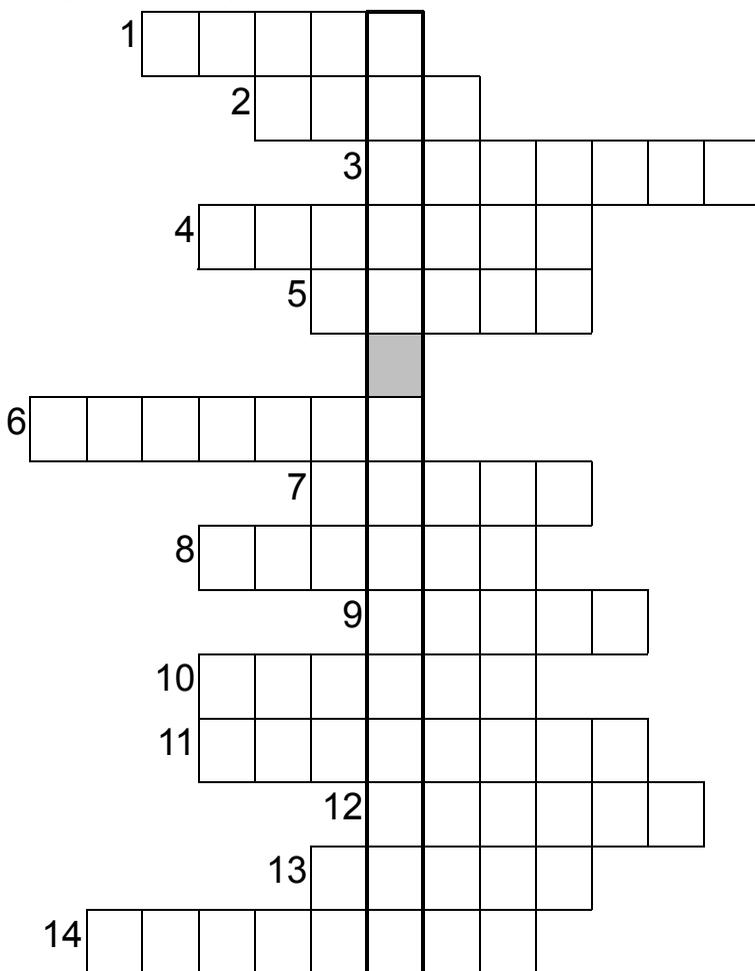

12. Мусульманский странствующий монах-аскет, нищий.

13. Государственное учреждение или собрание поэтических произведений малых форм, расположенных в определенном алфавитном порядке рифм внутри каждой формы.

14. Образ красавицы в персидско-таджикской поэзии.

Если все будет угадано правильно, то посередине можно будет прочесть имя легендарного героя многих восточных рассказов-анекдотов (латифов), простака и остро слова.

Список использованной литературы

1. **Абу-Абдаллах Джафар Рудаки** // *Сто великих поэтов* / В.Н. Еремин. – М.: Вече, 2007. – С. 57-60.
2. **Абулькасим Фирдоуси** *Сто великих поэтов* / В.Н. Еремин. – М.: Вече, 2007. – С. 60-64.
3. **Айни, С.** *Бухара: (воспоминания)*. В 2 кн. Кн. 2. / С. Айни. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 376 с.
4. **Айни, С.** *Воспоминания* / С. Айни. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 1088 с.
5. **Айни, С.** *Рабы* / С. Айни. – М.: Худож. лит., 1975. – 415 с.
6. **Афлагуни, С.** *Лотерея «Справедливость»* / С. Афлагуни // *Дружба народов*. – 2007. - № 2. – С. 7-55; № 3. – С. 77-126
7. **Березиков, Е.Е.** *Тайны и легенды Узбекистана* / Е.Е. Березиков. – Ташкент: Изд-во лит. и иск-ва, 1991. – 272 с.
8. **Глоба, А.** *Песни народов СССР* / А. Глоба. – М.: Худож. лит., 1947. – 816 с.
9. **Джами.** *Избранные произведения* / Джамии. – Л.: Сов. писатель, 1978. – 656 с.
10. **Зебунисса.** *Избранное* / Зебунисса. – Ташкент: Изд-во ЦК Компартии Узбекистана, 1983. – 128 с.
11. **Золотая поэзия Востока: сборник.** – Симферополь: Реноме, 1998. – 368 с.
12. **Зульфикаров, Т.К.** *Мудрецы. Цари. Поэты* / Т.К. Зульфикаров. – М.: Известия, 1983. – 432 с.: ил.
13. **Иванов Г. В.** *Омар Хайям* / Г. В. Иванов // *Сто великих писателей* / Г. В. Иванов – М.: Вече, 2000. – С. 58-61.
14. **Иванов Г. В.** *Фирдоуси* / Г. В. Иванов // *Сто великих писателей* / Г. В. Иванов – М.: Вече, 2000. – С. 55-58.
15. **Ирано-таджикская поэзия.** – М.: Худож. лит., 1974. – 623 с.
16. **История всемирной литературы.** В 9 т. Т. 2. – М.: Наука, 1984. – 672 с.
17. **История всемирной литературы.** В 9 т. Т. 3. – М.: Наука, 1985. – 816 с.
18. **Лирика: из персидско-таджикской поэзии.** – М.: Худож. лит., 1987. – 462 с.
19. **Литературные журналы – реальность и перспективы** // *Дружба народов*. – 2007. – № 4. – С. 184-208.
20. **Мадалиев, С.** *Рубаи* / С. Мадалиев // *Дружба народов*. – 2008. - № 3. – С. 83-84.
21. **Навои, А.** *Позмы* / А. Навои. – М.: Худож. лит., 1972. – 816 с.
22. **Навои, А.** *Стихотворения и поэмы* / А. Навои. – Л.: Сов. писатель, 1983. – 920 с.

23. **Низами Гянджеми** // *Сто великих поэтов* / В.Н. Еремин. – М.: Вече, 2007. – С. 83-87.

24. **Омар Хайям** // *Сто великих поэтов* / В.Н. Еремин. – М.: Вече, 2007. – С. 64-67.

25. **Омар Хайям в кругу мудрости: сборник.** – Симферополь: Реноме, 1999. – 384 с.: ил.

26. **Саади Муслихиддин Ширази** / В.Н. Еремин // *Сто великих поэтов* / В.Н. Еремин. – М.: Вече, 2007. – С. 87-91.

26. **Стихи поэтов народов дореволюционной России (XIX- начало XX века).** – М.: Дет. лит., 1987. – 703 с.

27. **Султанов, Ш.З.** *Омар Хайям* / Ш.З. Султанов, К.З. Султанов. – М.: Мол. гвардия, 1987. – 320 с.: ил.

28. **Торк, А.** *Рассказы* / А. Торк // *Дружба народов.* – 2007. – № 4. – С. 67-91.

29. **Турсун-заде, М.** *Избранные произведения. В 2 т. Т.1. Стихотворения и поэмы* / М. Турсун-заде. – М.: Худож. лит., 1985. – 431 с.

30. **Фирдоуси.** *Шах-наме. В 2 т. Кн. 1* / Фирдоуси. – М.: Худож. лит., 1964. – 752 с.

31. **Фирдоуси.** *Шах-наме. В 2 т. Кн. 2* / Фирдоуси. – М.: Худож. лит., 1964. – 744 с.

32. **Фирдоуси.** *Шах-наме; Сказание о Рустаме* / Фирдоуси. – М.: Худож. лит., 1980. – 477 с.

33. **Хайям О.** *Рубаи* / О. Хайям. – М.: Локид-Пресс, 2004. – 240 с.: ил.

34. **Хайям О.** *Рубаи* / О. Хайям. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 320 с.

35. **Хайям О.** *Четверостишия* / О. Хайям. – Смоленск: Русич, 2007. – 368 с.

36. **Хафиз.** *Лирика* / Хафиз. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1973. – 160 с.

37. **Хафиз Шамсиддин** / В.Н. Еремин // *Сто великих поэтов* / В.Н. Еремин. – М.: Вече, 2007. – С. 101-104.

38. **Читтик, У.** *В поисках скрытого смысла. Суфийский путь любви. Духовное учение Руми* / У. Читтик. – М.: Ладомир, 1995. – 543 с.

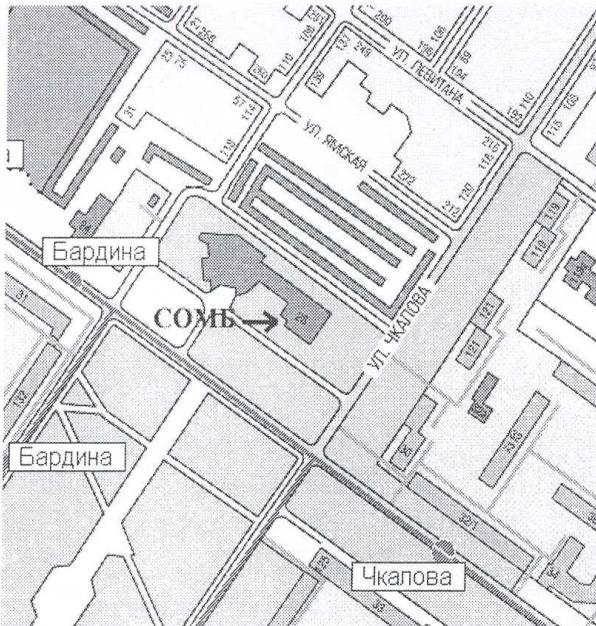
39. **Яндиев, Д.** *«Жизнь моя – встревоженная птица»: изб. лирика* / Д. Яндиев. – М.: Мемориал, 1997. – 256 с.

40. **Яньшев, С.** *Любому языку* / С. Яньшев // *Дружба народов.* – 2008. – № 4. – С. 78-81.

Содержание

<i>Вступление</i>	5
<i>«Адам поэтов» Рудаки</i>	7
<i>Фирдоуси</i>	11
<i>Энциклопедист Ибн Сина</i>	16
<i>Правдоискатель Насир Хосров</i>	18
<i>«Ты жив – так радуйся, Хайям!»</i>	21
<i>«Шейх» Саади</i>	26
<i>«Моуляви» («ученый муж») Руми</i>	31
<i>Хафиз</i>	34
<i>«О, бедный странник в Городе Красот»</i>	39
<i>Гуманист и патриот Алишер Навои</i>	42
<i>Поэтессы Востока: Зебунисса, Дильшод, Анбар-атын</i>	45
<i>Непокоренный Айни</i>	51
<i>Хамза</i>	55
<i>«Восточный» Мирзо Турсун-заде</i>	58
<i>Литература Таджикистана и Узбекистана сегодня</i>	65
<i>Приложение: кроссворд</i>	78
<i>Список использованной литературы</i>	80

Свердловская областная международная библиотека

**620146, г. Екатеринбург, ул. Бардина,
28**

(343) тел. 240-44-55, факс 243-17-00

**А. 21, 42, 43, 46, 76
Т. 11 (ост. Чкалова)**

**E-mail: somb@somb.ru
<http://www.somb.ru>**